

АНДРЕЙ КИРОВ

ПРО ЗОЛОТУЮ
РЫБКУ

Андрей Киров

Про золотую рыбку (сборник)

«Издание книг ком»

2018

УДК 82-3
ББК 84-44

Киров А. С.

Про золотую рыбку (сборник) / А. С. Киров — «Издание книг
ком», 2018

ISBN 978-5-6040849-9-1

«Тяжёлый день» Один день из жизни рабочего парня, у которого с самого утра не заладился день на заводе, где он работал, начались неприятные сюрпризы, щедро сдобренные алкоголем, наркотиками, под влиянием внезапно вспыхнувшей у него страсти к секретарше директора. «Поклонник» История поклонника, приехавшего в столицу, чтобы увидеть заморскую звезду из высшего общества, певицу и актрису кино, и его приключения на ирреальном фоне происходящего, напоминающего сон. «Про золотую рыбку» История о том, как рано утром незнакомец хотел продать молодому человеку в стеклянной трёхлитровой банке маленькую рыбку, похожую на кильку, выдав её за золотую рыбку, исполняющую желания. Парень взял её за стакан водки, чтобы отвязаться от назойливого неприятного гостя. Но в дальнейшем она и в самом деле превратилась в золотую рыбку и начала исполнять его желания. Он выиграл деньги в казино, разбогател, купил дом на берегу Средиземного моря, вступил в контакт с инопланетянами и т. д., и что из всего этого получилось.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-6040849-9-1

© Киров А. С., 2018
© Издание книг ком, 2018

Содержание

Тяжёлый день	7
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Киров

Про золотую рыбку

* * *

© Киров А. С., 2018

© ООО «Издание книг ком», о-макет, 2018

Тяжёлый день

В общем, дело было дрянь.

Дёрнул меня чёрт устроиться «гнуть позвонок»¹ в этот трухляк – ОАО «Кирпичный завод», где большая часть мужского контингента, работающая на основном производстве кирпича, пришла из таких стрёмных мест обитания, где перемещение людей ограничено до минимума колючей проволокой под напряжением, с расставленными по периметру смотровыми вышками, дежурящими на них денно и нощно суровыми ребятами с погонами внутренних войск на плечах и автоматами Калашникова в руках и сторожащими от остального мира этих парней, начудивших и накуролесивших в нём в своё время кто во что горазд, пока их не поймали бдительные товарищи и не отправили в эти глухие, занесённые снегом и пропахшие страданием места. Меньшая же часть из числа работяг, пашущих на заводе, хотя и не была в тех местах, куда у Макара и в мыслях не было гнать телок на откорм, сильно походила на большую, как отражение в зеркале, и повадками, и поведением, и укладом быта. Но и тех и других, несмотря на разную школу жизни, объединяло одно универсальное качество (которое объединяет, наверное, больше пятидесяти процентов мужчин на Земле, независимо от вероисповедания, цвета кожи и принадлежности к социальному слою) – это зависимость от алкоголя в той или иной степени. В иной, конечно, было больше, поэтому кто-то стоял на учёте в местном наркологическом диспансере, кто-то был закодирован или загипнотизирован у кудесников и шарлатанов от нетрадиционной типа медицины. Однако даже в таком состоянии насильственного отторжения от кабалы вино-водочных суррогатов, получивших широкое распространение с приходом к власти Бориса-забудона, некоторые работяги из числа закодированных чифирили по утрам прямо в цехе, перед началом рабочей смены и нередко в течение трудового дня.

К сожалению, что овчинка не стоит выделки, что я зря устроился на это предприятие, я понял, когда проработал три недели и увидел изнутри, что в действительности здесь творится и что всё далеко не так, как мне расписал начальник в приватной беседе в своём кабинете. Наобещал чуть ли не алмазные россыпи, а конкретно: стабильную зарплату, выдаваемую, правда, один раз в месяц, но вовремя, премию, ещё какие-то бонусы, бесплатный проезд на их заводском автобусе почти до дома (а завод находился в восьми километрах от города, в заброшенном после последнего глобального экономического кризиса посёлке), бесплатное молоко за вредность, бесплатные медикаменты и помощь врача из их медсанчасти – «в случае чего».

Что такое «в случае чего», этот хмырь не счёл нужным объяснить, а я не расспросил подробнее. Видимо, я им очень был нужен как работник узконаправленной специализации в их отрасли промышленного производства – оператор контроля подачи кирпича-сырца в печь и его высокотемпературной обработки, если начальник цеха даже пошёл на такую жертву, как соблазнить меня дозой порошка, какую сразу и дал занюхать в кабинете, в качестве, так сказать, морального стимула на работу на их предприятии (а я, как последний лох из Приднестровья, повёлся на эту разводку), чтобы я не смог критически проанализировать ситуёвину что за байда у них происходит на заводе, когда мы пошли в цех для ознакомления с моим новым местом работы.

А байда², надо сказать, была ещё та.

С самого утра, как запускалась в работу вся эта адова кухня и начинали пыхтеть на полную мощность допотопные, выпущенные, наверное, ещё при Иване Калите, не всегда исправно работающие глиняные печи, в воздухе зависала густая, приправленная сизовой дымкой пыль, не рассеивающаяся, даже несмотря на работу таких же старых и изношенных, как и печи, вен-

¹ гнуть позвонок – работать

² байда – неразбериха, бардак

тиляторов, похожих на лопасти первого парохода, проплывшего по Миссисипи, и парящая мириадами микроскопических частиц до глубокой ночи. Стоял невообразимый, словно в преисподней кузнецы ковали меч Князю Тьмы для битвы с Создателем всех тварей дрожащих (как перед Папой, так и перед его зловещим оппонентом), грохот вагонеток, выпуска тысяча восемьсот такого года, в каком вообще началось производство кирпича промышленным способом, с рождения первой технологии в этой сфере деятельности человека строительства домов из более качественного и прочного материала, чем дерево, кизяк и солома. На этих вагонетках по узкоколейкам сырец возили из другого цеха для обжига в печах, находящихся в торце основного производственного здания. В том же придаточном цеху, таком же запылённом, загазованном и антисанитарном по условиям труда, как и в главном, сырец из глины «лепил» агрегат, внешне похожий на металлического динозавра. Глиняный полуфабрикат серо-зелёного цвета он выплёвывал из пасти на конвейер, истёртый и изношенный, издающий при работе скрежещущие звуки, похожие на кашель железного монстра, и вызывающий мысли, что он в любую минуту может развалиться на части, как, впрочем, и работающий механизм-динозавр. Его обслуживали две бригады рабочих: одна следила за конвейером и снимала с него кирпич-сырец, вторая укладывала его на металлические поддоны, стоящие ячейками на вагонетках. Духота в этом помещении была невероятная, а пыль висела ещё гуще, так что многие работники были голые до пояса, грязные и потные, и работали в респираторах, пользы от которых было ненамного больше, чем если бы они работали без них.

Всё, что мне наболтал начальник про премии, бонусы и молоко, оказалось лажей. Зарплату задерживали на месяц и более, а если давали, то об этом узнавалось в самую последнюю минуту, так что приходилось гадать, лелея слабую надежду, когда подходил приблизительный день зарплаты, дадут ли деньги, к примеру, во вторник, или ждать среды, а если не в среду, то, может, в четверг, кто-то сказал точно дадут, или ждать пятницы, потому что это уже край; прошло почти два месяца, как последний раз давали получку, и ходить лишний раз в их – с понтом – офис (который только одно название, что офис, а на самом деле – обыкновенная контора бывшего советского предприятия, пришедшего после развала империи красных дьяволят в полное ничтожество и чудом держащегося на плаву благодаря усилиям, ухищрениям и уловкам его директора). Унижаться, спрашивая у какой-нибудь офисно-конторской козы заискивающим, робким, невнятным голосом, когда же будет получка, а дам-ма, прожевав пирожное, которое она кушала с чаем, а ты оторвал её от этого занятия, будет сквозь зубы сердито цедить что-то невразумительное в ответ, делая на непроницаемой толстой морде такое выражение, словно ты пришёл не за своими, а за её деньгами. А на заводском автобусе, несмотря на то, что проезд был бесплатный, я не ездил, и вот почему. Автобус как две капли воды был похож на канонерку времён Первой мировой войны, которой по чьему-то капризу или ради смеха приделали колёса, покрасили, поставили движок от «Бурана», и затем пустили её ездить по суше, гадая, что из этого получится. И новоиспечённый автобус худо-бедно, вразвалку-враскоряку пыхтя, скрежеща и подвывая, как раненый первобытными охотниками мамонт, поехал, – ети его в бич-шлезер, – и ещё как! На заводе поговаривали, что изначально это и была канонерка той далёкой смутной эпохи, и будто директор выменял её у прапорщика войсковой части, базирующейся недалеко от посёлка, на два ящика водки. (Как она попала к прапорщику, история умалчивает; может, тоже выменял у знакомого мичмана на энное количество спиртного.) Эта военно-морская монструэлла канувших в Лету войн, какую по недоразумению называли автобусом, двухэтажная в высоту (как в славном городе Лан-доне), около двухсот метров в длину, с маленькими круглыми окошками по бокам, похожими на бойницы (это они и были, уже на заводе им придали облагороженный вид), коптящая при езде, когда разгонялась на шоссе до ста пятидесяти километров в час, производила устрашающее впечатление на едущий по встречной полосе транспорт, особенно на легковые автомобили типа «Лады Приоры» и «Оки», и, когда величественно вплывала в город, вызывала своим нелепо-грозным видом неподдельный вос-

торг у зевак, приветствующих её появление снятием головных уборов, улюлюканьем, свистом и хохотом. Чего нельзя было сказать о водителях иномарок, попадающихся ей навстречу. К тому же экстравагантный автобус каждое утро по приказу директора, боящегося, что его могут украсть или взорвать, подавался в разные точки города, и кто из работников завода, живущих в городе с населением в сто пятьдесят тысяч чел^{ов}, хотел бесплатно ехать на работу, должен был позвонить в контору диспетчеру за час до начала рабочей смены, узнать место утренней дислокации автобуса-канонерки. А кто не имел желания ездить на реликте императорского военноморского флота, добирался до завода по афлубаторскому тракту своими способами, если не было собственного автомобиля (а у большинства работяг кирпичного его не было), либо пешком вдоль шоссе, или на муниципальном автобусе – старом, дребезжащем «Икарусе» – гармошке жёлтого цвета, выпущенном в Венгрии, в 1967 году, и едущем с такой скоростью, что засмеялись бы даже черепахи, увидев перемещение в пространстве этого «пенсионера» общественного транспорта.

Про основной контингент, работающий на заводе, я узнал в первый же день от сменщика, когда за десять минут до начала смены в теплосектор, где мы переодевались, зашли уже переодетые в робы сварщик и два слесаря, достали заныканную³ поллитровую стеклянную банку, налили в неё воды из-под крана и сварили чифир на двух лезвиях для бритвы. Чифир – очень крепкий чёрный чай, который пьют зеки на зоне в качестве кайфа. Варится так. Лезвия «Нева», «Шик» или другие прикрепляются к оголённым концам электрического провода с одной стороны и опускаются в банку с холодной водой; два других конца втыкаются в розетку с напряжением 220 вольт. Вода в банке после манипуляций с самопальным нагревателем вскипает через двадцать-тридцать секунд. (Быстрее, чем от продающегося в магазине бытового электрокипятильника.) Потом в банку засыпается полпачки или более чёрного листового (ни в коем случае не гранулированного) чая. И, когда чай через три-четыре минуты заваривается до цвета кожи самого чёрного африканского негра, его пьют по глотку-два, пуская банку по кругу, как это принято на зоне. Что и сделали сварщик со слесарями, когда сварили чифир. Потому как все трое «чалились»⁴ на зоне в разное время и по разным статьям.

Сварщик, по кличке Мультик, провёл три года в тех местах, о каких я сообщил в самом начале повести, за то, что с корешем срезали провода с электропередачи, обожгли и сдали в пункт приёма металла как цветмет. Парни были с похмелья, денег даже на дешёвую водку-бодягу не было, а выпить жуть как припёрло, и они, недолго думая, решили глубоко личную проблему этим неординарным способом. Правда, парни не учли один нюанс, точнее, не знали, что военный завод, находящийся в пяти километрах от места, где они срезали провода с железных столбов под грифом строгой секретности, выпускал и поставлял титановые трубы для ракет системы ПВО в одну арабскую страну, которая готовилась к отпору агрессии более сильного государства, наточившего ножи напасть на неё со дня на день. И когда это государство напало с войной на страну дешёвой нефти, то страна, вовремя не получившая стратегические трубы, ракеты из которых она делала, чтобы успеть отбить атаку вражеской авиации, проиграла войну, потому что из-за отсутствия электроэнергии на заводе поставка труб была задержана на несколько суток. И произошло это из-за каких-то двух раздолбаев, срезавших не в том месте и не в то время провода. Началось следствие, специально из столицы приехал опытный опер, вычислил того, кто видел, как они лазили на столб, срезали провода, после чего электроэнергию вырубил не только на заводе, но и в десяти близлежащих посёлках; у молодых мам дети стали мёрзнуть в кроватках, и стыл геркулес на плитках. Ребят поймали и дали по три года. Президента арабской страны тоже поймали, но уже янки, ему не повезло больше, чем этим парням, – его расстреляли, объявив военным преступником за то, что он давил гнилую оппо-

³ заныканную – спрятанную

⁴ чалились – сидели, отбывали срок

зицию, справедливо приравняв её к изменникам арабской родины, и настроил себе дворцов по всей стране, хотя в своей республике он был всё равно как национальный герой номер один – заботился о своих согражданах и каждой бедной семье, где родился ребёнок, открывал счёт в банке, справедливо считая, что нефть в их земле по праву принадлежит всему народу, и не в виде тягучей чёрной вододэмульсионной субстанции, а вполне конкретном денежном эквиваленте. Об этом международном конфликте две недели рассказывали по телевизору и показывали репортажи.

Один слесарь из этой чифирящей троицы «тянул» пять лет за разбой с применением огнестрельного оружия, как в той песенке: «...Раз пошли на дело, выпить захотелось...». Но, как сам рассказывал, посадили ни за что, «просто хотел попугать одного зажавшегося ффраера, а деньги, мобилу, кожаную куртку на меху и шапку из алтайского песца он отдал сам – шутки не понял, когда я вынул из кармана газовый пистолет, приставил его к груди этого поца и сказал: „Снимай куртку „Гондурас“, деньги и ценные вещи – на кон!“»

Другой слесарь отсидел десять лет за убийство жены на почве ревности. Пришёл, выпивши, с работы, застал свою жену под неизвестным «пассажиром»⁵, побежал на кухню, схватил нож для разделки крупного рогатого скота и «заколбасил»⁶ обоих любителей адюльтера. Жену наглухо, а «пассажир» отлежался в больнице, потом давал показания в суде, как всё произошло.

После отсидок парни крепко задумались о смысле жизни, к каким последствиям приводит увлечение спиртными напитками, и, чтобы не искушать лишний раз судьбу, корефаясь с «зелёным змием», закодировались, устроившись на кирпичный (больше их никуда не брали после зоны). Но выпить всё равно жуть как хотелось, а так как шарлатаны и фокусники, у кого они «кодирнулись», предупредили их, «что не грози тринадцатому району» выпить стакан-второй спиртосодержащей дряни, можно и «лыжи загнать» ненароком, поэтому и чифирили каждое утро, вспомнив лагерную «погремушку»⁷.

Когда я узнал, какой в основном контингент работает на кирпичном, подумал: «Куда я попал!» – И хотел сразу соскочить⁸, даже не отработав первую смену, но вспомнил, как нюхал чудесный порошок в кабинете начальника, и подписал бумаги в отделе кадров, и тормознулся, обманув себя тем, что, может, всё утрясётся.

В начале пятой недели, как я начал гегемонить⁹ на этом безнадёжном предприятии, осознав, в какую меня затягивает производственную клоаку, с грехом пополам доехав на «Икарусе» до остановки «Кирпичный завод» (прямо напротив заводского «офиса» и бетонной стены, огораживающей это предприятие), выпав из переполненного автобуса изрядно помятый, злой и уже с утра уставший, я подумал, что назрел момент, сказать в глаза правду начальнику и решить вопрос конкретно относительно условий труда и оплаты. Зарядившись перед проходной для смелости полбутылкой пива, прямо из горла, на глазах у контролёрши – бывшей выпускницы школы каратэ города Дзюн-бао, и вовремя увернувшись от удара ногой в челюсть, отрабатываемый ею на подозрительных – уже похмельных, или с опухшими с бодуна физиономиями некодированных-незагипнотизированных работников, я удачно проскочил в узкий проход между двумя металлическими стойками под напряжением восьмьсот вольт, которое вторая контролёрша включала из будки на несколько секунд перед внушающими недоверие работягами – на наличие алкоголя внутри, – проверяя таким способом их реакцию (ноу-хау директора). Если реакция была замедленной и бедолага, зазевавшись, не успевал проскочить

⁵ пассажир – любовник (в более широком смысле то же самое, что и бубер (слово, придуманное мной))

⁶ заколбасил – убил

⁷ погремушка – развлечение

⁸ соскочить – уволиться, уйти

⁹ гегемонить – то же, что и гнуть позвоночник

и попадал под удар электрического тока, контролёра по внутренней связи вызвала спецбригаду; та, прибыв на место, грузила на тележку неудачливого «сталкера», предварительно удостоверившись, что последний готов, как зюзя отлакированный, транспортировала его в дальний сектор на территории предприятия и сбрасывала в яму с гашёной известью, а присутствующая при этом врачиха из заводского медпункта потому себя в кабинете записывала это как «несчастный случай на производстве с летальным исходом по вине работника». Я миновал покосившиеся ржавые ворота с двусмысленным афоризмом над ними: «Труд определяет меру свободы», написанным на латинском языке (и, говорят, заимствованную директором с похожего афоризма над другими, печально известными на весь мир, воротами), дошёл до цеха с настежь раскрытыми, уже деревянными, трёхметровыми в высоту воротами, покрытыми старой отшелушивающейся красной краской, придумывая, что сказать начальнику, и отхлёбывая из бутылки пиво.

В воротах наполовину высывался из цеха «КАМАЗ». (Крокодиля морда КАМАЗа была снаружи, а жопа – внутри.) Его грузила готовым кирпичом специальная бригада грузчиков из числа безработных с биржи труда, поставляемых ею в виде почти бесплатной рабочей силы нуждающимся предприятиям и частным организациям. Штабеля кирпича громоздились вокруг цеха, внутри него и по всей территории завода. Около «КАМАЗа» тёрся мастер Семёныч, чего-то записывая в свой блокнот. Начальника цеха и других хмырей из конторы, нередко присутствующих при отгрузке кирпича, не было. Семёныч, увидев меня, нагло хлебающего пиво на ходу, уткнулся в свои бумажки, делая вид, что ничего не заметил. Ну и пусть видит, подумал я, всё равно потом скажет начальнику или энергетику, а то и самому директору, всё равно сдаст, сука. Допив пиво, я демонстративно забросил пустую бутылку в бурьян, испытыв при этом лёгкое разочарование, что никого из вышеперечисленных шальбрунеров¹⁰, особенно начека, не оказалось при разгрузке, а то можно было бы начать разборки прямо с хода в карьер, пока не прошёл запал и настрой на серьёзные «тёрки»¹¹.

Зайдя в пыльный цех, где стояла тягостная, гнетущая атмосфера в ожидании ежедневной порции ада, раздаваемой слугами промышленного дьявола в восемь часов утра заводским горемыкам, я пересёк по диагонали две линии узкоколеек, – между ними, посередине, находилась пластмассовая застеклённая будка – моё место работы – расплаты на текущий период бытия, непонятно за какие грехи, в этом чистилище, – и нырнул в правом дальнем углу цеха в дверь, обшитую листовым железом и выкрашенную в зелёный цвет. За этой дверью располагался отнюдь не чертог дивной красоты, а тепlopункт-бойлерная (откуда на весь завод поступала горячая вода), одновременно являющаяся слесарной мастерской и раздевалкой, где мы: я, сменщики и два слесаря, прикреплённые к тепlopункту, переодевались.

Моим глазам, когда я вошёл, предстала такая живописная картина, что я от изумления даже забыл про гвоздь в голове, – поговорить с начальником. В тепlopункте всё было перевернуто вверх дном, словно я попал не в помещение гражданского предприятия, а на заводскую свалку или на арену после битвы индустриальных гладиаторов.

Поверженные, ножками кверху, разнокалиберные стулья, притащенные сюда чёрт знает из каких конфигураций. Заваленное набок кресло – гибрид автомобильного сиденья и тапира, отличающееся от последнего узкотрубными дюралевыми ножками и жёстким сиденьем из кожаного заменителя. Узкие, высокие шкафчики-пеналы из прессованных опилок, где у нас находилась рабочая одежда, повалены на земляной пол; одежда, вывалившись из шкафчиков, лежала в пыли и, как мне показалось, слабо шевелилась матерчатой массой, словно в ней кишели микроорганизмы, размножившиеся в техносмазках, промышленных маслах и жидкостях, жирно пропитавших робу.

¹⁰ шальбрунеров – неприятных типов (ещё одно слово, придуманное мной)

¹¹ тёрки – разговор, беседа

В правом от газового котла углу кучей ржавели металлические части и детали водораспределительной и теплообеспечивающей жизнь заводских коммуникаций систем: задвижки, вентили, газовые горелки с отработанным сроком эксплуатации, шарикоподшипники и прочий окисляющийся, ржавеющий железный неликвид.

И на самом верху этой кучи, в полусогнутой позе, раскинув руки в стороны, словно в безнадежной попытке обхватить эту железную свалку, лежал в замазученной спецовке и кирзовых сапогах какой-то работяга. Посреди помещения криво стоял стол, за которым мы обычно ещё и обедали, будто его специально сдёрнули со своего места у стены, под бойлерными трубами. На столе бардак: пластмассовая бутылка – полторашка, заполненная на четверть какой-то светлой жидкостью (как потом выяснилось, спиртом, разбавленным водой из-под крана: его в основном и пили на заводе некодированные работяги, поставляемым на предприятие одним предприимчивым молодым человеком по каким-то таким секретным, одному папе римскому известным каналам, что даже прожжённые контрабандисты могли бы ему позавидовать), жестяная банка из-под кильки с горкой окурков, надорванная пустая пачка «Примы» с высыпавшимся табаком, кусок ржаного хлеба с кружком варёной колбасы на замасленной газете. И гранёный стакан советской закалки с раскисшим в нём бычком бесфильтровой сигареты.

«Неплохо парни отметили окончание рабочей недели», – подумал я, подошёл к лежавшему трупом и мало чем от него отличавшемуся работяге, приподнял за шкибот спецовки и, убедившись, что это наш слесарь Санька – тридцатилетний разведённый мужик, несидевший и некодированный, и что он спит, а не отбросил копыта, и его как одинокого с некоторых пор работника (жена бросила полгода назад; живут в деревне – три километра по Забалуysкому тракту от завода) не погрузит на тележку спецбригада и не отвезёт в яму с гашёной известью. (Надо отметить, что туда, по письменному приказу директора, возили только одиноких работяг, «склеивших ласты»¹² от перепоя или отравления плохим спиртом, поставляемым в завод тем молчелом, о каком я написал выше, как и попавших на проходной под удар электротоком). За теми же парнями, которые умерли на заводе внезапно, но у них были родственники – жёны или какие другие амплифайеры, и они приезжали после выяснения обстоятельств, но, правда, не за всеми: некоторые жены у сильно пьющих заводчан, если с ними случалась трагедия на заводе, отвечали по телефону, когда им звонили из конторы предприятия, дескать, ваш Вася «загнул лыжи»¹³ по своей вине: пьяный попал под вагонетку, и его разрезало на несколько частей, приезжайте, забирайте части его тела: «На фиг он мне сдался! Разбирайтесь сами!» Администрация и разбиралась: поступал приказ отволочь бедолагу, – точнее, фрагменты его тулова, – в яму. Вот такие порядки были на этом заводе. Куда я по глупости устроился.

Оставив Саньку в покое, когда я понял, что он нормалёк, я подошёл к столу, смахнул с его занозистой поверхности всю дрянь в мусорное ведро, за исключением баклажки с разбавленным спиртом (моя догадка подтвердилась, когда я нюхнул горлышко), поставил её за сломанный насос: Санька очухается, захочет похмелиться, задвинул стол на своё место – к трубам парового отопления, переоделся в выжелтевшую от стирки хэбэшку типа солдатской гимнастёрки и брюки в пятнах от мазута. (На этом частном предприятии работягам спецодежду не выдавали.) Поставил, как оловянных солдатиков, остальные шкафчики на одну линию, рассовав по ним рабочую одежду наугад – чью куда, – водрузил стулья и кресла.

До начала работы оставалось три минуты, думаю, запущу сначала вагонетки – первую партию в печи, и схожу в контору к начальнику. Странно, не было слесарей и сварщика: они к этому времени успевали сварить чифир и пустить банку по кругу. Вызывал беспокойство своим нагло попирающим все законы Трудового кодекса видом Александр. «Надо разбудить парня, – подумал я, – а то придёт мастер, а он обязательно придёт по долгу службы, ещё не было

¹² склеить ласты – то же, что и загнуть лыжи

¹³ загнуть лыжи – умереть

дня, чтобы он не приходил с утра, но ещё хуже, если придёт начальник, – тот тоже частенько заглядывал в тепlopункт, – будут у слесаря неувязки с администрацией».

И только я вознамерился претворить в жизнь план «С», размышляя, как быстрее поднять работягу на ноги и осматриваясь по сторонам в поисках подходящего вспомогательного средства (если в нём возникнет необходимость), как в дверях нарисовался брюхатый тип в расстёгнутом пиджаке. И это был не мастер, и не энергетик, и даже не начальник, а сам директор, – забодай его тарантул! Я понял, что уже поздно спасать слесаря, и мне ничего не оставалось, как направиться к вышестоящему начальству.

Директор сразу просёк¹⁴ работника, лежащего к нему, словно издеваясь, оттопыренной задницей в залоснившихся штанах, и сделал при этом малопривлекательном виде такую тухлую морду, словно застал свою жену с другим мужчиной в постели.

Я понял по выражению упитанной физиономии директора, что эта «встреча на Эльбе» не предвещает ничего хорошего Александру, а может, и мне, как случайному свидетелю вопиющего хамства по отношению к начальству со стороны работника низшего звена, и что сейчас не самый удачный момент лезть к главлукомору со своей проблемой. Среди работяг ходили разговоры, что после подобных случаев, как этот, шеф превращался в форменного зверя, вызывал провинившегося к себе в кабинет и применял в качестве наказания методы физического воздействия: грубо говоря, – бил ногами, обутыми в тяжёлые армейские сапоги на подковах. Их он специально держал в шкафу, для, как сам выражался, «экстраординарных случаев».

Будь что будет, подумал я, подходя к директору и боязливо протягивая руку.

Прятаться от него уже было поздно, хотя у меня и мелькнула такая мысль: затусоваться за котёл или бойлер, а, в идеале, едва он возник на пороге, раствориться в воздухе, как персонаж из русских сказок. Но и не подойти, не выразить своё уважение к начальству, – было бы доведением к тому оскорблению, какое нанёс ему слесарь своей невинно-наглой позой, сам не предполагая об этом.

– Здравствуйте, господин директор.

Он ничего не ответил, посмотрев на меня сырым взглядом, – от него у меня сразу «очко жим-жим»¹⁵, – подавая мне вялую заготовку из плоти, похожую на ладонь, показавшуюся от контакта с ней мёртвым крабом. От прикосновения с дланью малосипатичного субъекта настроение у меня, и без того бывшее не на взлёте, упало совсем. Краб, однако, шевелился, несмотря на то, что казался сдохшим. Отдёрнув инстинктивно руку, будто я прикоснулся к чему-то нечистому, я ощутил, что во мне начала вспухать досада и злость: почему я должен чувствовать себя виноватым за чужие проколы и зачем полез в ритуал встречи с начальством, когда оно в дурном расположении духа, и, чувствуется, не только от усугубляющейся видом слесаря ситуации, в такой момент воспринятой директором как личное оскорбление, когда дела на заводе и так шли плохо в сфере сбыта готовой продукции по причине её невысокого качества. Санька должен был кожей почувствовать, что перед ним стоит генерал кирпичного королевства, а не какой-нибудь арлекин из передвижного шапито, развлекающий публику голубями в цилиндре и мартышкой в саквояже, и вскочить по стойке «смирно». А теперь и мне придётся взять на себя часть его вины только потому, что оказался не в тот момент и не в том месте. И почему я не ушёл из тепlopункта двумя минутами раньше!

– Разбуди его! – от досады и злости директор, не стесняясь постороннего человека, сплюнул прямо на земляной пол, утративший достойный вид: отдельные его фрагменты выступали квадратиками напольной плитки вдоль стен и вокруг котла. – Пусть зайдёт ко мне, как очухается, – добавил шеф перед тем, как повернуться и уйти.

¹⁴ просёк – заметил

¹⁵ очко-жим-жим – испугался

– Санька, вставай! – энергично затряс я за плечо не подающего признаков жизни слесаря, заранее жалея мужика и представляя, что с ним сделает этот изверг в своём кабинете: сразу начнёт бить страшными сапогами или ограничится материальным наказанием, лишив премии, которую, как и зарплаты, платили всего-то с гулькин нос, и то не всегда и не каждому. (А Саньке иногда платили как проработавшему более десяти лет на этом предприятии.)

Но Александр, как долго я его ни тряс, ни хлопал по щекам лопатой, ни поливал из противопожарного шланга с напором сто атмосфер на один квадратный сантиметр (и атаку носорога можно остановить такой мощной струёй), – но только не разбудить слесаря. Я бросал его с высоты поднятых рук на пол, несмотря на то, что он тяжелее меня минимум килограммов на пятнадцать, как кидают борцы дзюдо своих противников, – но, ничего не поделаешь, будить-то надо, – Александр так и не открыл глаз, словно подсознательно чувствуя, что ему не стоит просыпаться в ближайшие сто лет, и только мычал что-то нечленораздельное, словно пытаюсь рассказать грустную историю, и перед тем как опять отключиться, издал на прощание глубокий вздох, словно уходящий в плаванье на полгода моряк, прощающийся с красавицей женой, представляя, что будет вытворять эта курва с незнакомыми дебилоидами¹⁶ на семейном ложе за время его отсутствия.

«Если я его не разбужу, – в отчаянии подумал я, вытирая пот с лица рукавом хэбэ-куртки, – то директор, чтобы сорвать злость на ком-то, вполне вероятно, будет бить сапогами меня». А мне такая перспектива в ближайший час вовсе не улыбалась.

Отчаявшись разбудить Саньку после десяти минут безуспешных попыток, – надо было уже запускать линию; в любой момент мог прийти энергетик, спросить, почему до сих пор стоят вагонетки, – ещё мне этого не хватало для полноты ощущений, – я еле оттащил слесаря за ноги за котёл, чтобы не мозолил глаза. За котлом валялся драный диван без спинки, покрытый толстым слоем пыли. Обычно на нём отдыхал Шарик – заводской кобель породы дворняга-лабрадор. (Папа у него был дворняга, а мама крутая лабрадорка. Во всяком случае, он так рассказал Яковлевичу, тоже слесарю, напарнику Александра, когда он его (Шарика, а не Саньку), нашёл на свалке исхудавшего и голодного, накормил и привёл в теплопункт. Если же Шарика не было, и он бегал по сучкам вне территории завода, хотя и на предприятии их хватало, или ещё по каким своим собачьим делам, на диване частенько отдыхали не рассчитавшие дозу спиртового суррогата наши слесаря, прячась от начальства. На этот комфортабель заводского пошиба я и пристроил Александра: пса на месте не было.

Запаздывал Яковлевич, узкоплечий сутулый мужик предпенсионного возраста, с красными от ежедневного употребления разбавленного спирта носом, физиономией и большими руками, слесарь седьмого разряда, впрочем, получающий ненамного больше Саньки и других слесарей завода.

Пусть пока проспится, подумал я, накрыв Александра старой грязной телогрейкой, прикидывая, что делать в такой ситуации: ведь мне самому надо было идти в свою стеклопластиковую будку.

Я лелеял слабую надежду сдать Саньку в руки Яковлевича, а самому как-нибудь отболтаться перед директором, если тот позвонит и спросит, почему слесаря до сих пор нет в его кабинете, но вспомнил про утренний бардак и подумал, что если они пили вместе и Яковлевич перепил, а это для него обычное дело, то он может и вообще не выйти на работу. В отличие от других работников предприятия ему за такое вопиющее нарушение трудовой дисциплины не грозило не то чтобы быть изгнанным с позором с завода, а даже быть битым патроном; как у любимого фаворита от короля, у него были какие-то привилегии от директора, о каких слесарь седьмого разряда намекал по пьяни, – что начальство его ценит как незаменимого профи по ремонту водяных насосов образца 1911 года, изработанных в хлам и постоянно ломающихся,

¹⁶ дебилоиды – то же, что и пассажиры

впрочем, как и восемьдесят процентов оборудования предприятия, присланных ещё лет семьдесят с гаком из одной – чешется язык назвать её матом – бывшей советской республики, в обмен на какой-то селекционный гибрид типа пенишаварского трёхгорбо-рогатого верблюда – осла с помесью канадского таракана, выведенного советскими генетиками в одной из секретных лабораторий.

Стрелка на часах упёрлась в восемь, Яковлевича всё не было, сторожить Саньку, когда он проснётся тоже не имело смысла, а мне уже надо было быть в своей будке. В неё я и пошёл.

Только я включил тумблер и на мониторе замигали огоньки, обозначающие маршрут движения вагонеток, перед этим предупредив мастера, отвечающего за процесс производства кирпича, по внутренней связи, что я на месте и запускаю, как по сотовому позвонил директор и спросил: «Как дела? Разбудил слесаря?»

«Дела неважно, господин директор, – сказал я, – слесарь пока не реагирует, находясь в стабильном состоянии отключки, но сдвиги уже наметились, и, может, минут через пятнадцать-двадцать, максимум полчаса, он придёт в чувство».

Подумав с минуту, шеф сказал, чтобы я шёл к нему, а меня пока заменит мастер, – он ему сейчас позвонит, поскольку я напомнил патрону, что не могу отойти с места работы, – производственный процесс уже начался.

И правда, через пять минут прибежал мастер – очень неприятный тип, но о нём позже, и я без особой радости поплёлся к директору.

Логово административно-управленческой шайки завода – так называемый офис – располагался в трёх минутах ходьбы от цеха – влево наискосок, вдоль трансформаторной будки, ёмкостей с соляровкой (в одной из которых две недели назад по пьяни утонул бичблужер¹⁷) и дряхлой ржавеющей автотехники. Это было двухэтажное, вытянутое, как гармонь, здание, единственное из всех строений на территории завода, имеющее цивильный вид, выстроенное директором в виде эксклюзива из отборного кирпича персикового цвета. (Где он только такую глину нашёл: глина, в полкилометре от завода, у болота, где даже лягушки не квакали по ночам, из которой штамповали кирпичи, была не глина, а чёрт те что). Придал своей лавочке обманчивый вид процветающего предприятия для привлечения потенциальных покупателей, чтобы их легче было ввести в заблуждение.

Пока я шёл в контору, гадая о возможной реакции директора на моё сообщение и прикидывая, что говорить, если он будет выспрашивать детали, мне навстречу попадались опоздавшие на работу по причине обстрела автобуса боевиками сторонников Мадагаскара Инглудж-оббера. Об этом сказал Гоша, работающий в преисподней кузнецом, отец двух с половиной детей, выращенных в колбе доктора Шляуцера. Хмурые, уже издёрганные происшествием и мыслями о предстоящей кирпич-каторге, работники – такое тоже было не редкостью на этом предприятии.

Открыв тяжёлую, на толстых стальных пружинах дубовую дверь, выкрашенную в коричневый цвет, я вошёл в офис, поднялся на второй этаж.

Кабинет директора находился в конце коридора. С правой стороны от прохода панорамные окна выходили на улицу, с левой шли кабинеты: бухгалтерия, отдел кадров и так далее, – в общем, стандартные паразитические гнёзда любого государственного или частного промышленного предприятия, набитого особями обоего пола, живущего за счёт работы, обманывающего и обчитывающего его на дьявольских штучках, начиная с простых счетов с деревянными кругляшами и заканчивая компьютерами.

Перед кабинетом директора с предбанником для секретарши, где в углу, перед компьютером сидела стройная красивая юная особь женского вида с почти идеальными параметрами

¹⁷ бичблужер – то же, что бубер и шальбрунер

модели, натирая ватрушку на порносайты до мозолей на пальцах, – её в данную минуту не было на месте, я тормознулся, чтобы собраться с духом.

Чего-чего у шефа и было достойного в его малахольной лавочке, подумал я, так это секретарша, по слухам, выкупленная им с областного конкурса красоты у главстроителя за машину кирпича для дачи и ящик коньяка, и, как говорили злые языки, многие потенциальные покупатели его продукции только и приходили в «офис», чтобы поглазеть на секретаршу, как говорится, за просмотр денег не берут. Они и глазели, особенно на её ноги и попу, когда девушка поворачивалась спиной, до такой степени глазели, прямо трахали её глазами, что секретарша то краснела, то бледнела, то впадала в истерику, не говоря уже о массе ошибок, которые она делала в заводских бумагах. Однако приходиться эти волопасы приходили, без зазрения совести разглядывая девицу со всех допустимых в такой ситуации ракурсов, но кирпич покупали далеко не все, хорошо если один из четырёх-пяти клиентов покупал, так что директор подумывал, а не пора ли брать деньги за просмотр секретарши с тех, кто не идёт на сделку; к тому же ему надоело выслушивать её жалобы на плотоядные взгляды «беспонтовых шальбрунеров» (то есть клиентов).

Ещё раз, перед тем, как постучать в дверь, я прокрутил в голове варианты ответов главному – постараться отмазать Саньку и самому не пострадать: по поговорке, чтобы и овцы – я со слесарем, – остались целы, и волки в лице директора были довольны. Я прислонил ухо к мягкой коричневой коже двери, пытаюсь угадать настроение шефа. Какое-то непонятное шуршание доносилось оттуда.

Собравшись с духом, я робко постучал костяшками пальцев в деревянный косяк и, не дождавшись ответа, приоткрыл дверь. И увидел картину, достойную кинокамеры режиссёра, снимающего фильмы в жанре откровенных постельных сцен.

Секретарша – её звали Светлана – лежала на столе с ногами, зафиксированными на плечах у патрона, будто готовилась в акробатки для цирка. Максим Степанович, грузный мужчина тридцати шести лет, но выглядящий лет на пятнадцать старше своего возраста, с глуповатыми залысинами, уходящими до затылка, с одутловатым лицом, словно он литрами пил пиво каждый день, стоял вплотную к девице и производил какие-то загадочные манипуляции, держа её за ноги своими ладонями, словно её тренером: при этом её ноги мягко ударялись в спину директора. Одна туфля висела на носке, готовая каждую секунду соскочить. Эта туфля сразу приковала моё внимание и я даже на мгновение забыл, зачем вообще сюда пришёл. Лицо девушки от вопиющего безобразия, в котором ей приходилось принимать участие, не выражало никаких радостных эмоций, типа это происходило не с ней, а с её «патентом на гуттаперчевую копию номер 17». Она ещё умудрялась в такой ситуации насвистывать мотивчик из какой-то модной песенки, чтобы как-то отвлечь себя и настроиться на происходящее безобразие, по всей вероятности, начавшееся минуты за полторы до моего прихода, и в котором было мало смысла и ещё меньше удовольствия, – во всяком случае, для секретарши.

Когда я вошёл, она повернула голову с рассыпанными по оргалиту тёмными волосами в мою сторону. На нежной шее резко проступили жилы, как у старой клячи на пахоте. Девушка посмотрела на меня равнодушным взглядом. И мне показалось, что она нисколько не смутилась появлением постороннего человека, и даже не человека, а подчинённого её шефа, причём самого низшего звена. Меня это неприятно кольнуло, заставляя реально почувствовать своё ничтожество. Одновременно она в силу женского лукавства попыталась стеатральничать взглядом: дескать, смотри, но не протри дырку взглядом, видишь, что делает с незащитной девушкой этот волчедрав-паноптикум¹⁸.

Директор, стоя ко мне спиной вполоборота, повернул лицо и увидел меня.

¹⁸ волчедрав-паноптикум – директор

– Чего тебе? – спросил он, словно уже забыл о своём приказе, и прекратил свои похабные челночные движения, однако не выпуская ног секретарши из своих рук.

– Извините, господин директор, – глотая согласные, сказал я, растерявшись при виде откровенной, имеющей мало общего с совещанием у шефа сцены, и, собирая в кучу слова и мысли, чтобы отмазать хотя бы частично себя и слесаря, полностью войдя в кабинет, словно под гипнозом наблюдая за секретаршиной туфлей, готовой вот-вот сорваться с носка, я, сбивчиво и заикаясь, сообщил, каково положение дел по факту нарушения слесарем трудовой дисциплины.

А сказав, сплотнул слюну, – то ли от волнения, что, вообще, смог что-то сказать в этой щекотливой ситуации, то ли от зависти к шефу, что он держит в руках такую суперпотрясающую девушку, и, не выдержав, подошёл ближе, осторожно взял рукой за лодыжку секретаршу, а другой рукой поправил туфлю на место и сделал два шага назад, подчёркивая субординацию.

– Спасибо, – сказала девушка, приподнявшись на локте и выражая мне взглядом через плечо патрона благодарность.

Шеф пронаблюдая за моими манипуляциями с женской обувью, подумал с минуту и сказал:

– Значит, не реагирует?

Я пожал плечами, давая понять, что абсолютно бессилён что-либо сделать в такой ситуации, как разбудить человека, словно он пребывал не в пьяном сне а в летаргическом, и, делая вид при этом, что не придаю никакого значения ни самой пикантессе, ни тому, что влез в неё без согласия на то вышестоящей инстанции, при этом отрицая саму идею присутствия здесь секретарши, хотя сразу заметил, что едва патрон прекратил движения, у девицы на лице появилось выражение облегчения: она даже перестала крутить на пальце свои трусишки и, прямо лёжа, не меняя положения, закурила длинную белую ментоловую дамскую сигаретину.

Директор, будто не замечая ни меня, ни своей подчинённой, мямлил в пальцах её ляжки, словно тесто, и проигрывал в голове какие-то варианты решения проблемы.

Светлана, глубоко затягиваясь, явно наслаждалась наступившим затишьем с фронта битвы полов.

– Значит, так, – директор явно что-то придумал, придвинув ноги девицы к своей груди, – возьми электрошокер, – кивнул головой на шкаф, – на верхней полке... Нашёл? Там справа, сбоку, есть красная кнопка... Видишь? Передвинь её на режим триста вольт... Ещё есть режимы восемьсот и тысяча двести... Смотри не перепутай! Иди в тепlopункт и, если он ещё дрыхнет, прикладывай электрошокер, как я сказал, к оголённому телу, пока этот раздолбай не вскочит, как Гарри поц перед Гингемой! По'эл!

Достав шокер с полки, я с интересом рассматривал спецсредство индивидуальной защиты одиноких девушек в ночном переулке, стараясь не смотреть на страшные сапоги, стоящие внизу, и даже опробовал его в действии, нажав на кнопку: между контактами заиграла миниатюрная молния.

– Справишься? – спросил шеф скорее утвердительно, чем вопросительно, с удвоенной энергией начиная вторую серию движений пахом в сердцевину дамской икс-файл.

– Так точно, господин директор! – я застыл, как грул перед верблюдом, опять вспомнив сапоги в шкафу, скосив глаза и наблюдая с завистью, как в унисон движениям, производимым патроном нижней частью корпуса, под расстёгнутой блузкой девушки пружинисто ходят – туда-сюда, туда-сюда – красивые маленькие титочки. С трудом оторвав взгляд от восхитительного вида, я спросил: – А если он вдруг... я запнулся, подбирая слова, – того... сыграет ноктюрн «Отбросилкопытного» для катафалка и гробобаса с оркестром, у меня не возникнут проблемы с уголовно-процессуальным кодексом за непредумышленное убийство на рабочем месте, что несомненно может повлиять на мой карьерный рост на вашем предприятии? – Про

карьерный рост я загнул специально, как бы давая понять шефу, что меня не устраивает теперешнее положение.

– Не сыграет! – заверил меня патрон. – Только, как я уже сказал, не переключи на более высокое напряжение и не держи долго в контакте с телом.

– Есть! – Я всем видом старался показать, что готов выполнить приказ, словно мне за это обещали тройную премию, чтобы сгладить неловкую ситуацию в тепlopункте, став невольным свидетелем конфуза шефа, хотя в действительности у меня не было никакого желания выполнять садистские приказы – истязать электротоком живого человека, пусть этот человек и лежал мертвецки пьяным в антисанитарном месте. Даже сама мысль об этом была мне противна.

Секретарша в этот момент посмотрела на меня, как мне показалось, равнодушно-полупрезрительным взглядом с толикой разочарования, словно я в чём-то не оправдал её мгновенно сложившегося обо мне образа без оглядки влюблённого в неё рыцаря, проскакавшего тысячу вёрст на лошади, чтобы только поймать её благосклонный взгляд, когда она, скучая, сидит на балконе своего замка в Калабрии и поливает из лейки герань. Когда совсем нечего делать этой скучающей богатой даме, которая замужем за импотентом, разве если только мастурбировать на пару со служанкой в роскошной опочивальне, пока стерильный муж решает государственные вопросы, как бы голь перекатная не забрала у него замок с портретами предков, землями и фамильными драгоценностями жены, больше половины которых он уже проиграл в казино.

– Иди! – директор повернулся ко мне спиной, давая понять, что разговор исчерпан, и с заметным энтузиазмом принялся обрабатывать сексом находящуюся в его подчинении офисно-конторскую единицу дамского коллектива.

Я повернулся и направился к двери, и, когда её открывал, мне показалось, что секретарша стала вздыхать чувственными нутряными фистулами, словно ей начинало нравиться, что вытворял с её телом этот жирный полубожок глиняно-песочного княжества. И по какой-то непонятной причине я в этот момент почувствовал себя оплётанным и задетым за живое, хотя по большому счёту мне их плотские секс-делишки были до фонаря... пока не увидел эту чёртову, висящую на одном носке туфлю и выражение беззащитности и отчаяния на симпатичной мордашке её хозяйки. А теперь её вздохи расстроили меня окончательно, словно она сделала так нарочно. (Может, и в самом деле, специально, чтобы поддразнить мужчин.) Не могла подождать, пока я уйду. Я и так пребывал последнюю неделю не в лучшем состоянии, угнетённый мыслью за то время, что проработал на заводе, что меня элементарно развели; к тому же сама атмосфера на предприятии была негативная, давила сверх меры, а тут как контраст – беззащитный эротогон без всякого стеснения. И как апофеоз унижения в присутствии красивой девушки приходится участвовать в гнусном спектакле, кивать головой, как раб фараона в знак согласия выполнять зверские приказы, словно я устроился работать не на завод, а в гестапо – заплечных дел мастером! Мало того, что все иллюзии рухнули после недели работы в этой кирпичной халабуде и никаких перспектив в дальнейшем, как только со слесарями в тепlopункте пить разбавленный водой спирт, гадая на кофейной гуще, когда дадут по рылу, – то есть получку, так ещё и наглое издевательство со стороны легара-дидроера (так директора за глаза называли на заводе) – вставлять красивой девице, не стесняясь работяги, когда у того и так трясутся колени от страха и мысли, что будет после утренней неувязки в тепlopункте. И в то же время при этой далёкой от промышленных дел сцене, какой я стал свидетелем в кабинете директора, в душе начало твориться чёрт знает что: страх, комплекс неполноценности, зависть и ненависть к патрону из-за обладания им такой потрясающей девицей, и пробуждающееся желание выкинуть борова в окно, а самому задолбить-зафачить угарную сучку с молочными бёдрами на обед, лежащую полуобнажённой, очень красивой и кажущейся доступной от близкого расстояния, – стоит протянуть руку, – от которой, словно дразня и провоцируя, прёт дурью духов, откучумбарить так, чтобы у неё мозги превратились в кисель после двадцать пятого соприкосновения с нирваной... Тут зарплаты, – каковой и так жиденько, не дождёшься,

в тепlopункте бардак, пьяный слесарь не просыпается, а я отвечаю за чужое хамство, да ещё в довершок тыкай зверской штуковиной в голую задницу пьяного человека, чтобы тот проснулся! А когда проснётся, ещё неизвестно, какова будет его реакция на то, что какой-то пришлый чел издевается над ним садистской игрушкой!

Перед тем как уйти окончательно, я всё же, несмотря на мощный стресс, пережитый мной за последний час, не закрыл полностью дверь, оставив зазор, не удержавшись, чтобы досмотреть порно-реалити-шоу – вторая серия: «Секс на небольшом заводе». Как я и предполагал, ждать развязки «служебного романа» пришлось недолго: патрон после двух минут, – я специально засёк на часах, – поступательных движений в сердцевину женского конгломерата задёргался в судорожных конвульсиях, будто я приложил электрошокер к его жирной заднице, захрипел, как канадский гризель¹⁹ на именинах, и навалился на секретаршу грузным телом. Туфля опять болталась у неё на одном носке и, когда шеф пришёл к финишу, всё-таки соскочила с ноги и с глухим звуком упала на линолеум. Я подумал, что сейчас не тот момент, чтобы водрузить её на место, и закрыл за собой дверь.

В то же время вместе с ударом дамского предмета обуви о пол внутри у меня что-то лопнуло, словно проткнулся фурункул, зудевший и не дававший мне покоя до этого момента, и из него потёк гной чёрных эмоций, толкающий меня на негативные поступки и действия в высшей степени. Особенно по отношению к тем амплоидам, которых я терпеть не мог. А таких на заводе было немало. (Считай, вся администрация.) Я понял, что назрел момент для «выяснения отношений», и вспомнил, что собирался поговорить с начальником цеха. И решил, когда вышел из приёмной директора и достал электрошокер из кармана – попробовал его в действии, – что настало время сказать этому надувале всё, что я думаю об их лавочке и конкретно о нём, и уже точно знал, что будить слесаря таким зверским способом не буду.

Но, как говорится, на ловца и медведь в кукурузе; когда я проходил мимо кабинета начальника, приоткрылась дверь, и он высунулся из неё сам.

– Это ты, – сказал он, словно нарочно ждал моего появления, бросив мимолётный взгляд на предмет в моей руке, но я успел спрятать в карман защитника припозднившихся дам в тёмное время суток на улице, когда их хочет изнасиловать маньяк, а они стесняются спросить о том, чтобы культурно присунул, не лапая грязными руками за грудь, – зайди ко мне на минуту.

Кабинет начальника цеха сильно отличался от кабинета директора. Во-первых, у него не было такой потрясающей секретарши. Во-вторых, его кабинет сильно смахивал на помещение для производственного хлама, выбросить который у его хозяина не поднималась рука, было жалко, как у пожилой жадной бабы, копящей в шкафу нечистое, затхлое, давно вышедшее из моды тряпье, которое даже моли есть запахло, с запахом старости и надвигающейся смерти. Развешанные по стенам мотки проводов со стёршейся обмоткой, тяжёлые ржавые сломанные моторы в чугунных корпусах, килограммов по двести каждый, выложенные рядком вдоль стены. Я насчитал шесть штук – этих уже бесполезных для эксплуатации металлических чушек. Другие разнообразные железяки и детали от сломанных агрегатов и машин были хаотично разбросаны по всему кабинету. Стол завален бумагами, многие со следами пятен от смазки, и канцелярскими принадлежностями. Посреди стола прибор – что-то среднее между манометром и вечным двигателем. Естественно, в нерабочем состоянии. Ещё когда я устраивался и попал в первый раз сюда, вид кабинета вызвал во мне отталкивающее чувство. Но я не прислушался к своему внутреннему голосу и не ушёл сразу. Не зря, значит, про начцеха говорили, что он тащит в свой кабинет, кладовку и помещение номер семь, находящееся в дальнем углу цеха, всякую дрянь, какую найдёт на территории завода и даже вне его пределов. Плюшкин постсоветского расклада. Наши слесаря и то не волокли в тепlopункт то, что не нужно и что было абсолютным хламом. (Не считая металла, который можно сдать и пропить. Этим заня-

¹⁹ канадский гризель – медведь гризли

тием все пьющие на заводе работяги увлекались в той или иной степени, непонятно только, как выносили с предприятия.) И в подтверждение сплетён я заметил на вешалке, стоящей слева от двери, в углу, грязную зелёную куртку на синтепоне, которую я уже где-то видел. Я вспомнил, где, вернее, на ком, – на электрике Потапе, – он в ней работал. Куртка была такая грязная, рваная на локтях, что, если бы не зелёный цвет, местами пробивающийся сквозь маслянистую грязь, я бы её и не узнал. Потапа три дня назад убило током, когда он полез в трансформаторную будку в этой куртке, – приказал начальник, – для выполнения каких-то профилактических работ. Сменщик потом рассказал, как всё произошло. Потапа ударило током полторы тысячи вольт, так сильно, что будка затряслась и осветилась белым светом; повалил густой чёрный дым, как если бы горела нефть, и в двух цехах погас свет. Электрика не без усилий отодрали от рубильника и с трудом смогли опознать, – так Потап сильно обгорел. И потом, когда приехал его брат, чтобы забрать брата, он никак не мог поверить, что это – Потап. Только и смог узнать его по куртке, ему её подарила бабушка лет пять назад, на день рождения. Куртка, кстати, особо не пострадала. Так, слегка на рукавах синтепон обуглился. Такие случаи ЧП на производстве и нередко с летальным исходом имели место быть на кирпичном заводе и стали неотъемлемой частью заводского быта, к какой все привыкли и даже воспринимали с долей фатализма как неизбежное зло в этой сфере деятельности человека, как, например, в экстремальных видах спорта.

Я, когда увидел эту куртку, ещё несколько дней назад гревшую работягу, пусть и конченного забулдона (Потап был неcodированный, но три раза лечился от алкоголизма в ЛТП ещё при советской власти), а теперь как ни в чём не бывало висевшую в углу этого крохобора, острая как бритва мысль резанула меня: будь я на месте электрика, и меня бы шарахнуло током, или убила бы ударом ноги озверевшая охранница, либо я погиб бы под высоким напряжением, не успев проскочить в проход, или отравился бы некачественным спиртом от безысходности, – за мной никто не приедет из родственников за отсутствием таковых: эти каналы меня отвезут на тележке в яму с гашёной известью? Как две недели назад отвезли Николая – рабочего с конвейера основного производства: зазевался, и его задавило вагонеткой с готовым кирпичом. Когда я отчётливо представил, как меня, одинокого парня, никому не нужного в этом дрянцово-лакированном мире, придуманном слугами дьявола на пороге ночи Сварога, жлобы-санитары отвезут по причине внезапной смерти в яму в дальний конец территории завода, а директор в это время, вполне вероятно, будет пихать свою сучку-секретутку у себя в кабинете, а в бухгалтерии всё так же толстые коровы будут пить чай и жрать печенье с пирожными, разъедая и без того необъёмные задницы, то такая злость во мне проснулась, особенно после всплывшей в голове сценки с лежащей на столе у легара-дидроера секретаршей с задранной до пупа, кожаной юбкой. От внезапно вспыхнувшего агрессивного импульса я начал бессознательно нажимать кнопку шока, даже ещё не вынув его из кармана куртки.

Этот убудок, копавшийся в бумагах, хотел мне всучить очередную падлёнку²⁰ поэтому и пригласил в кабинет. Услыхав потрескивание, он поднял голову от стола и увидел тонкую струйку дыма, тянущуюся из кармана моей спецовки; мини-молния, придя в контакт с материалом, вызвала естественную тепловую реакцию.

– Что это такое? – встревоженно спросил он, прикованный взглядом к необычному явлению физики в кармане моей куртки, словно я был фокусником на сцене.

– А вот чего! – крикнул я, подскочив к столу, выхватил электрошокер и сунул его в упитанную гладковыбритую до синевы физиономию, sprыснутую дешёвым вонючим одеколоном типа «Шипр».

Ш-ш-ш-ш! – зашипело палёное мясо, когда пластины электрошокера впились в щёку прозелита априоровых штолен нового века.

²⁰ падлёнку – бумагу неприятного содержания

Начальника, как футбольный мяч, отбросило на стену. От удара массивного туловища со стены посыпалась штукатурка (заводские маляры покрасили абы как, тоже халтурщики), календарь с пейзажем берёзового леса и производственные графики. От волнения я не заметил, как сдвинул кнопку на самый мощный – 1200 вольт – заряд.

– Что, бычара! – наклонившись, мстительно заорал я в ухо субъекту, – зацвели в горах эдельвейсы! Больше не будешь обманывать доверчивых людей, пучина ненасытная!

Волосы от удара «электрокувалды» у бедняги встали дыбом и дымились, распространяя удушливый запах.

– Где твоя грёбаная премия, гнилые бонусы и прокисшее молоко на завтрак!

Начальник цеха издал звук, похожий на кваканье, изо рта выдавились пузыри. Вылезшие из орбит глаза, затекая белесоватой плёнкой, закрылись. Физиономия на глазах меняла цвет с нахально-жизнерадостной на депрессивно-фиолетовую. «Приплыли, сэр, на землю обетованную!» – как сказал Френсису Дрейку боцман, перед тем, как их вздёрнули на рее.

Удостоверившись в эффективной работе шокера, сунув его на место, я пошарил в ящиках стола и нашёл полкилограмма белого порошка в целлофановом пакете, пачку зелёных денег (не зря, значит, про начальника говорили, что он мало того, что барахольщик, так ещё и фанат иностранной бумаги) и пистолет, по всей вероятности выточенный на тульском оружейном заводе. Всю эту убойно-стрёмную лабуду я рассовал по карманам и покинул кабинет, а за ним и ненавистное с первого дня, как сюда устроился на раббы, здание.

По дороге в цех, вспомнив, что произошло в кабинете начальника, я испытал необычное и не сказать что неприятное, – скорее, наоборот, – чувство, словно во мне уже давно зрело желание бунта, пусть и в таком виде. Опять вспомнил секретаршу с задранными на плечи патрона ногами, как она бесстыдно лежала на столе, как нахально качалась её туфля, как она курила и закатывала глаза, фальшиво охая, а главное, как потом посмотрела на меня, будто ножом полоснула по сердцу, и понял, что сегодня ещё сотворю какой-нибудь экстраординарный поступок, – лиха беда начало! К тому же пакет с порошком, бабло, ствол и шокер придавали мне силы и уверенности, и толкали к активным действиям дерзкого свойства, и уже рисовали в голове самые отчаянные картины: как я вернусь обратно в кабинет, после того как переоденусь, легара-дидроера завалю, а секретаршу оттрахаю, – чтобы дым пошёл коромыслом! Но сначала надо всё-таки переодеться и... нюхнуть порошку для храбрости, посмотреть, какой расклад, а там видно будет!

В тепlopункте я увидел такую картину: Санька-слесарь очухался и как ни в чём не бывало сидит за столом с Игорьком – напарником погибшего Потапа, тоже электриком, и, кажется, оба уже похмелились.

– О, Рома! – мусоля изжёванную «Приму», чему-то обрадовался слесарь, увидев меня. – Здорово! – И, привстав, потянулся через стол с рукопожатием. Полы его спецовки поползли по столу, сметая на своём пути хлебные крошки, рассыпавшийся пепел и табак. – У тебя там на линии опять у двадцать третьей вагонетки колёса лопнули! Мультик с Вованом начали «варить». Мастер сказал, как сварят, – прокати её пару раз пустую, как пойдёт – ему доложишь.

– Меня это больше не интересует, – ответил я, стараясь казаться хладнокровным, пожав его протянутую руку. Уже и мастер успел здесь побывать? Это он, что ли, разбудил Саньку? Потом я пожал протянутую руку Игорька – парня лет двадцати пяти, ходившего в вязаной шерстяной шапочке, надвинутой на самые брови, и поэтому всегда выглядящего насупившимся, задумчивым и чего-то пытающимся вспомнить. При моём появлении он как бы находился в ступоре, но очнулся, когда заговорил слесарь.

– Что такое? – Александра как будто озадачил мой ответ.

– На «болту» я видел твоего мастера и рабочее место! – Меня зло взяло: мне в конторе приходится «очко подставлять»²¹ за чьи-то «косяки»²², нервничать, выкручиваться, юлить, формируя в себе новую невротическую концепцию (кажется, у слесарей-психотерапевтов их десять видов, а я возвращал одиннадцатую, ещё не имеющую названия), а кому-то на всё плевать с колокольни, лишь бы выжрать спиртяги с утра и радоваться жизни, как не радовался ей автор «мира, как представления о воле».

Слесарь с электриком переглянулись. Игорёк машинально ещё глубже надвинул на брови шапку, словно собирался спрятаться в ней от жизни. Я всё думал, почему он постоянно ходит в этой шапке, не снимая её даже во время работы. А потом понял, когда стал случайным свидетелем, когда он утром выпил и глазом не моргнул стакан разбавленного спирта, похмелился, слесаря налили. Эта шапочка для него, постоянно находящегося в неадекватности по отношению к действительности, грубо говоря, или с похмелья, или уже принявшим на грудь, по всей вероятности, была, как шапка-невидимка из русской сказки, в ней ему казалось, что никто не видит, не догадывается, в каком он находится состоянии. Он, наверное, и спать ложился, не снимая её.

– Ну и правильно, – вдруг согласился Александр и потянулся за пластмассовой бутылкой, это её утром, когда пришёл на смену, я убрал со стола, они допивали, плеснул в кружку спиртосодержащей дряни, протянул мне: – Помяни, Рома, безвременно ушедшего от нас Потапа!

– Да, – поддакнул Игорёк.

– Нет, ребята-пролетариаты! – я достал из кармана кулёк с порошком. – Я вот этим помяну!

– Ё-моё! – Игорёк вытаращил глаза и даже слегка привстал со скамьи. – Откуда столько надыбал?

– От верблюда. – Я присел к столу, взял засаленный газетный лист, насыпал по уму, сделал ножом, используемым слесарями как рабочий инструмент, с грубым топорной работы лезвием, с насаженной на рукоять куском резины вместо ручки, аккуратную линию и втянул порошок левой ноздрей. (Правая была забита с последнего ледникового периода, даже нафтизин не помогал.) Слесарь украдкой посмотрел на дверь. У меня в голову пошёл лёгкий изысканный кайфер²³. Перед мысленным взором мелькнули три прекрасные гурии, исполняющие то ли танец живота, то ли брейк данс: ещё не хватало музыки.

– А мне можно? – оживился Игорёк.

– Без базара. Только много не сыпь, а то мозги спалишь! Ты, вообще, когда-нибудь его нюхал?

– В натуре, Ром, ни разу! – честно признался электрик. – Только спирт и водку пью! Насыпь сам, а то и в самом деле ещё ласты склею!

Я ему сделал дозу, как новичку, с поправкой на то, что в нём уже сидел спирт, – приблизительно на треть меньше, чем себе, подумав, что и этого, наверное, будет много, но чёрт с ним, – электрика-то администрация найдёт, с электриками не проблема, с биржи пришлют, если чего, объяснил, как употребить, и пошёл переодеваться прямо с розовым туманом в голове, хотя баядерки больше в мозгах не мелькали.

Когда я открыл свой шкафчик, на верхней полке, где у меня лежало полотенце, мыло и книжка про Чингачука Большого Змея (Фенимор написал, по нему ещё кино в гэдээр сняли – Гойко Митич там рулит), играли на крошечных гитарках миниатюрные «битлы» в разноцветных костюмчиках.

«Help! I need somebody...» – начал исполнять свою партию Джон, а Пол с Джорджем подхватили.

²¹ очко подставлять – быть наказанным за чужое нарушение

²² косяки – ошибки, безответственные поступки

²³ кайфер – кайф, удовольствие

– Good Morning, чуваки! – сказал я битлам: – How are you? Лучше слабайте чего-нибудь для души, а то «хелп» что-то сейчас не катит!

– О'кей, командир! – оборвали песню ливерпульские парни и начали петь «Let it Be».

– Пойдёт? – спросил басист.

– О'кей!

– Рома, – ударил мне в затылок как будто знакомый голос, – ты чего там бормочешь?

Я обернулся. Александр смотрел на меня вопросительно. Игорёк сидел истуканом, и глаза у него блестели, как у нашего пса после вылазок к местным собачьим дамам на предмет романтических отношений – повыть дуэтом на Луну.

– Да тут битлы классную песню играют!

– А-а! – хмыкнул слесарь. – А мне больше футбол нравится! – В руке он держал кружку: может, с того момента, как предложил мне выпить, а я отказался, а может, налил следующую и добавил: – Ну, за взятие Лондона и Вашингтона! Берлин мы уже взяли в 45 м – И собрался выпить.

В этот момент я вспомнил приказ директора. Он у меня отчётливо прозвучал в левом полушарии мозга, а в правом продолжали петь «жучки-битлачки».

– Погоди пить, – тормознул я слесаря и вкратце пересказал, что произошло перед началом рабочего дня, за исключением лопаты и противопожарного шланга: следы от их воздействия ещё не прошли на лице и одежде Александра.

– И ты не мог меня разбудить!?! – работяга недоверчиво посмотрел на меня.

– Я пытался... – я красноречиво посмотрел на лопату в углу, около умывальника, где слесаря разбавляли спирт, и на шланг, висящий на стене, может, догадаешься, мол, сам, а я снимаю с себя всю ответственность, как снял её с себя один римский прокуратор в Иерусалиме, когда отдал добродушного мечтателя, не обидевшего мухи в своей жизни, на съедение шакалам.

– Бляха-муха! – влез в разговор Игорёк. – Как хорошо-то, ребята! – Его взгляд блуждал в тесном пространстве тепlopункта. Он начал раскачиваться на стуле. – Я плыву на фрегате, ребята! Я – капитан Дрейк – атаман отчаянных морских парней! Сейчас будем грабить вон ту каравеллу, – чтоб её шарахнуло бомбой! – Он показал рукой на приямок за шкафчиками, где стояли цилиндрический бак с конденсатом и водяной насос, при работе разбрасывающий воду фонтаном. (Хоть Яковлевич и хвалится, когда пьяный, что классный спец по насосам, а так и не может сделать водяной, чтобы из него не текло.) – Свистать всех наверх! Полный вперёд! Заходи справа! Готовь абордажные крючья! Сейчас мы покажем этим парижским гомосекам, кто на лесопилке ест древесную стружку! (Видимо, парень в школе начитался книжек про пиратов.) Молодой корсар-электрик начал раскачиваться сильнее, не удержал равновесия и упал на спину. В воздухе мелькнули ноги в стоптанных кроссовках, отнюдь не новомодной фирмы «адидас». (А так бы ему любая девчонка дала.)

На падение электрика мы почти не отреагировали. Словно это произошло в чёрно-белом кино чаплинского разлива.

Слесарь посерьёзней после моего рассказа, как может оценивать складывающуюся не в свою пользу ситуацию человек, сгоревший по-взрослому, и которому хочешь не хочешь, идти на ковёр к главному, и что там может произойти. Даже его рука с зажатой в ладони кружкой, с выбитым на боку номером (кружку в тепlopункт принёс кто-то из сидевших парней) замерла в воздухе, на полпути к пункту назначения – рту, – так озадачила информация Саньку, но ненадолго: мозг, пропитанный спиртом, уже был не в силах дать руке команду «отбой», и рука машинально, как конечность автомата, продолжила свой путь. Когда алюминиевая ёмкость вошла в контакт со ртом фаната огненной воды, то последний всосал спиртовой суррогат, как поливочный шланг воду. Выпив дозу – грамм сто пятьдесят этилового яда, сложив лицо в страдальческую гримасу после выпитого, Александр взял со стола корку хлеба и занюхал ей,

а закусывать не стал, и когда первая волна омерзения от спиртовой химии схлынула, закурил сигарету.

– Давай поднимем его, – сказал слесарь, когда пришёл в себя окончательно, заметив лежавшего на спине, на земляном полу электрика, словно забыл про свою проблему.

– Тогда давай сразу и оттащим за котёл, – предложил я, когда переоделся. Пистолет, электрошокер и деньги я рассовал по карманам джинсовой куртки и опять ощутил прилив уверенности в себе. Пока я был отвлечён разговором со слесарем, битлы исчезли, и их музыка перестала звучать у меня в голове, так что я даже испытал некоторую долю разочарования. На их место пришли неприятные болезненные звуки и шумы теплопункта, временами сливающиеся в ровный гул, а потом распадающиеся на сто разнообразных звуков. Кроме усилившихся негативных шумов, усилились и негативные запахи промышленного толка.

– Ага, – согласился Александр, с трудом поднимаясь из-за стола.

Мы взяли Игорька: я – за одну руку, слесарь – за другую, и волоком, с грехом пополам, поднимая клубы густой, зашлакованной пыли, транспортировали за котёл, на кожаный диван.

Потом опять присели за стол передохнуть.

Сердце у меня сильно колотилось от этой утренней чехарды, я приложил руку к груди, чтобы успокоиться, и наткнулся на пакет с порошком: он лежал во внутреннем кармане. Движимый смутным влечением, я вынул его, отсыпал на газету новую дозу, сделал линию, как нас учили в Пажеском корпусе, и не мудрствуя лукаво втянул уже правой ноздрей: за это время с предыдущего внюха её пробил рикошетом из левой, – даже лучше чем капли из аптеки, и она у меня задышала, как новая. Опять в голову пошла приятная волна, на гребне которой замельтешили неясные силуэты, и я робко, прилегая душой к новым ощущениям, гадал, услышу я опять хорошую музыку и, если услышу, кто будет играть: битлы, роллинги, цепеллины или кто-то из новомодных клубных исполнителей? Но пока только был непонятный фон, как у рок-группы, настраивающей аппаратуру. Всё это время, пока я шаманил с коксом, Александр наблюдал за мной, попыхивая сигаретой. Порошок я ему не предлагал, потому что он всё равно бы отказался по идеологическим причинам, будучи воспитанным в советских традициях питья алкогольных напитков. Докурив сигарету, он опять потянулся к бутылки, где ещё оставалось примерно со стакан.

Я посмотрел, как он отвинчивает пластмассовую крышку и готовит кружку, и сказал ему, отвлекаясь от своих переживаний:

– Не хочешь идти к легару-дидроеру? Как хочешь. Мне всё равно. Только ты, надеюсь, понимаешь, чем это чревато... Лучше его не злить понапрасну... Сапоги-то в шкафу стоят, ждут своего часа... А если сейчас сразу пойдёшь, может, пронесёт. Когда я у него был, кстати, вздрючку чуть не получил из-за тебя, мне показалось, что настроение у него не совсем паршивое... – Про эпизод с секретаршей я распространяться не стал.

– Думаешь? – Санька посмотрел на меня исподлобья и как будто размышлял, лить в кружку спирт или не лить, а сначала сходить, уладить проблему.

– Иди, неменьжуйся, – заверил я слесаря, видя что он в затруднении, – а то не дай Бог сейчас придёт мастер или энергетик, и застучает тебя в таком состоянии, продолжающем бухать, настучат директору, тогда он реально придёт в ярость, особенно после такого нагляка, что ты ему устроил утром, продолжаешь и дальше наглеть, игнорируя его приказы, тогда точно сапоги он наденет на ноги и начистит ими тебе физиономию... Я ещё чего-то хотел ему сказать, но в этот момент у меня перед глазами всплыли разноцветные геометрические фигуры, как в мультфильме, и стали проявляться прямо в воздухе сложные алгебраические формулы. Я дунул на них: формулы начали стираться, а фигуры лопаться, как мыльные пузыри. С сухим треском, один за другим. Когда остался последний синий треугольник, из него вылез Ринго в колпаке, погрозил мне пальцем и прыгнул вниз на крохотном парашютике, после чего лопнул и треугольник.

– Тогда я и в самом деле пойду, – прервал мои галлюциногенные картинки Александр и стал подниматься со стула. И рухнул, как бивень, даже не выпрямившись в полный рост.

Ничего себе, удивился я, смотря на лежащих неподвижно, двух одинаковых в нулёвку слесарей: даже роба на них была как две капли воды.

Два слесаря начали храпеть.

Я посмотрел на них, не представляя, что-же мне теперь делать? Тыкать в них электрошокером по очереди не было никакого желания, к тому же я вспомнил про эпизод в кабинете начальника цеха и понял, что работать на этом предприятии вряд ли теперь смогу. А оттащить за котёл двух здоровых парней одному при всём желании – хоть ты тресни – силёнок не хватит. Я поднялся со стула, собираясь уходить, – пусть свою кашу расхлёбывают сами, как в тепlopункт ввалилась троица: два слесаря и сварщик. Те, сидевшие – кодированные. Они работали в цеху, в четырёхугольной яме: сварщик варил лопнувшие от высокой температуры колёса вагонеток, а слесаря были на подхвате. Это выглядело, как в автомастерской; вагонетку с лопнувшим колесом загоняли – прямо рельсы были проложены над ямой, – сварщик слезал в яму и, стоя во весь рост, – руки со сварочным аппаратом над головой, – варил неисправное колесо (я же говорил, что всё оборудование на этом заводе уже давно пора было выкинуть и покупать новое), и вся грязь, металлические опилки и искры сыпались ему на голову, а эта бёбаная каска от грязи не помогала. Да, работа, надо отметить, и Мао Дзе-Дуну в аду не пожелаешь... конечно, тут будешь пить или чифирить... а, с другой стороны, не хрена было срезать провода, питающие электроэнергией важный стратегический завод, подрывать обороноспособность страны, теперь у нас в мире, среди арабских стран, стало одним союзником меньше. И один из слесарей, а то и оба, тоже в это время находились в яме со сварщиком – на подхвате.

Они пришли чифирнуть, – приходили каждое утро, только сегодня их ещё не было, хотя я видел, когда шёл по цеху, – перед рабочей сменой они курили на лавочке, в своём углу. Меня насторожило, почему никто из начальства (за исключением главного) ещё не сунул свой «будильник» – то есть упитанный буфер-пардон-физиономию – в тепlopункт. Обычно уже в начале девятого начальник, энергетик или мастер «запрягали»²⁴ наших слесарей на ту или иную работу. Может, потому, что с утра нарисовался – хрен сотрёшь – сам легардидроер. За всё время, что я проработал здесь, я ни разу его не просекал в нашей халабуде, а тут – на тебе – явление «главкаменотеса» народу!

– Парни, – говорю, – помогите оттащить слесарей за котёл, а то мне одному в ломовуху²⁵ будет!

Сварщик и слесаря переглянулись.

– Рома, – глухим голосом сказал Вован, черноволосый мужчина тридцати с половиной лет, убивший жену и мотавший десятку на Колыме, – тут только Санек! У тебя чё, в натуре, глюконат натрия²⁶!

– Ну помогите оттащить Санька! – Я всё хотел спросить у него, после рассказа сменщика про его бытовую трагедию, какие он пережил чувства, когда внезапно, вернувшись с работы, застал какого-то хмыря с голой жопой на своей жене. Представляю, как он открывает дверь с мыслями, сейчас его встретит любимая жена, будет кормить борщом и расспрашивать про работу, пока он, пропустив сто грамм водки, наворачивает сваренную свёклу с капустой за обе щёки, и вдруг видит такую сцену: любимая жена стоит в неэстетичной позе на постели, а какой-то волосатый, как обезьяна, баклан, пристроившись сзади, наяривает её, как меломан музыкальный инструмент, а сваренного к его приходу борща нет и в помине. Поддатый Яковлевич рассказывал, что судебные криминалисты насчитали на теле женщины около тридцати колото-

²⁴ запрягать – давать работу

²⁵ в ломовуху – не по силам

²⁶ глюконат натрия – галлюцинации

ножевых ран, и с десяток – на теле её ухажёра. Видимо, сцена, недостойная пера поэта, сильно шарахнула Вована по мозгам, что он даже не помнил, как у него в руке оказался нож, как он бросился на свою Дездемону Мценского уезда и её любовника и как наносил удары, – в кого – первый, в кого – второй, и в какой последовательности. «Соперник» в этой любовной истории чудом выжил после вспышки неконтролируемой агрессивной ревности обманутого мужа (какой уж тут борщ!), поэтому тот и получил только десять лет, да пять вычли за состояние аффекта, в каком он пребывал в тот момент.

– Без базара!

Вчетвером оттащили Александра за котёл и положили рядом с электриком.

«Вот если зайдёт директор, – подумал я, – картина Шишкина „Лес спилили“: однако, какой у меня сегодня день выклёвывается не по-чикагски!»

– Колесо сварили, – вдруг сказал Мультик, – можешь попробовать прогнать минут через десять.

– Ага.

Я посмотрел на часы. Десять. За стеной в цеху вагонетки, как обычно, гремели по рельсам. Кто же ими управляет, отстраненно подумал я, сев за стол и размышляя, что делать дальше, как эффективнее использовать то, что я захватил в кабинете у начцеха. В Санькиной бутылке ещё немного оставалось спиртовой бодяги, и я предложил парням выпить в знак благодарности, что они мне помогли отнести слесаря, предложил для проформы, зная, что они не пьют и откажутся, и они отказались: предложил понюхать кокса, – отказались и от него, – а больше у меня им предложить ничего не было. Конечно, если б я им предложил немного американской зелёной бумаги, напечатанной американскими банкирами в своём подвале под названием ФээРэС, они, наверное, вряд ли бы отказались.)

Работяги чифирнули и ушли в цех, я даже не заметил в какой момент, подумав ещё, что надо как-то замаскировать Саньку с Игорьком, бросив на них какой-нибудь рабочей одежки. Неровен час припрётся кто-нибудь из начальства. Конечно, кроме директора, меня бы уже никто не напугал, да и сам он теперь, при моём полном боевом вооружении, был мне, как до пеликана дирижабль, но всё равно было бы неприятно. И особенно неприятным было бы то, что могло при этом случиться, как случилось в кабинете с начальником цеха. Кому охота лишний раз щекотать себе нервы, если только нет слишком веских причин... (хотя есть мазохисты – хлебом не корми, дай пощекотать себе их).

Я уже собрался посмотреть по шкафам, чем можно накрыть парней, как вдруг в теплопункт вбежал какой-то поц в очках, одетый в тёмно-синий комбинезон. Морда с усиками, как у герра Шикльгрубера, в общем, противная. Из нагрудного кармана куртки торчит карандаш и штангенциркуль для понта, дескать, загруженный по самые жабры работой – вот такой я ударник. Это был мастер, работающий на заводе, как и я, «без году неделя», т. е. месяца полтора-два, и успевший за это время у основного контингента предприятия завоевать устойчивую неприязнь: совал нос во все дела, даже которые его не касались, бегал как ошпаренный по территории завода и всегда появлялся в самую неожиданную и нежелательную минуту, по поговорке: как голым задом на наждак. Вообще, надо сказать, энергичный был товарищ. Энергии в нём было и вагоном не вывезти. И стучал по всякой мелочевке и директору, и начальнику, что работяги чифируют, похмеляются, и просто пьют, и тащат с завода, что плохо лежит. Неприятный тип, что и говорить. Настолько неприятный, что рабочие не раз желали ему сломать шею во взмыленной беготне по цехам, складам и подсобным помещениям предприятия.

– Вы не знаете, куда подевался Александр Иванович? – сразу спросил он меня в бульдозер – (т. е. слёта). (Это Санька, что ли, «Александр Иванович»?) Про колёса ни слова, видно, парни ему уже доложили, как обстоят дела.

– Не знаю, – вызывающе ответил я.

– Дело в том, – начал объяснять мастер (которого все за глаза называли просто Боря), – я его видел утром лежащим вон на той гряде железа.

Теперь для меня всё стало ясно, как прыщ на заднице у слона. Так вот кто заложил «Александра Ивановича» директору. И почему патрон сам зачмонился²⁷ в тепlopункт, и почему кодированные работяги не приходили чифирить до начала рабочей смены, и почему, вообще, больше здесь никто не появлялся. Обычно в тепlopункт кто-нибудь да заскакивал: просто покурить, рассказать анекдот или заводские новости, – трахает директор всё ещё свою секретаршу или перешёл на отдел кадров (там тоже девица была что надо), или похмелиться в спокойной обстановке. Весь контингент завода, особенно пьющая его часть, старался по возможности держаться от директора на расстоянии, тем более когда он был в плохом настроении, а так как последние несколько месяцев он постоянно пребывал в нём, как продвинутый йог в медитации, по причине плохого сбыта продукции, то рабочие и пьющие, и которым нельзя, норовили слинять, стушеваться, срыгнуть, сгинуть, соскочить, испариться, исчезнуть при одном только известии: «Атас, легар-дидроер идёт!» – вспоминая его сапоги в шкафу. Особенно те, кто уже был выпивши.

Я сунул руку в карман, где у меня лежал электрошокер. Конкретных мыслей, чтобы его применить, у меня не было.

– А вы почему не переодеты? – спросил «Боря» и зашевелил усами, как крот на панихиде. В интонациях его противного бабьего голоса послышалась скрытая угроза.

Я только хотел сказать, что на... трапедии я видел ваш завод, но зачем ещё вступать в бессмысленные тёрки, и промолчал, подумав, что, если Боря сейчас скажет ещё чего-нибудь не в тему, пусть пеняет на себя. Этот мастер вызывал у меня антипатию больше, чем все заводские начальники, мастера и прочая административная шайка законспирированных дармоедов, вместе отполированная.

Но мастер ничего не сказал. Он скользнул взглядом по столу и заметил пакет с порошком.

– А это что такое? – Он взял пакет и зачем-то понюхал содержимое.

Участь его была решена. Точнее, он сам её решил. Чрезмерное любопытство его сгубило.

Я не стал применять электрошокер, я вспомнил про ствол и подумал, как всё-таки здорово, что у меня хватило ума захватить и его из ящика стола.

– А вот чего! – я медленно, как бы нехотя извлёк тэтэшник из кармана и снял с предохранителя.

– Прошу вас, не надо! – побледнел мастер, попятился, положил пакет с кокаином обратно на стол и, вытянув перед собой обе руки, добавил: – Клянусь Глафирой Петровной, я никому ничего не скажу!

«Это точно, – подумал я, выстрелив в грудь сторожевому псу новорусской буржуазии, – теперь ты точно никому ничего не скажешь!» Пальнул прямо в торчащие из кармана штангенциркуль с карандашом. Они больше всего меня раздражали в этом амплоиде²⁸. Да и не только меня. Один раз бабахнул. Ещё на такую шваль тратить лишние патроны. В этот миг я себя почувствовал героем боевика, причём совсем не отрицательным. Мастер эффектно упал на пыльный пол, ударившись головой так, что у него слетели очки с переносицы и звякнули о ржавую задвижку. Голливудские режиссёры, снимающие экшн-кино, были бы в восторге от такого кадра. (Кстати, дарю бесплатно, всего за сто тысяч баксов, если кто из них захочет использовать этот кадр в своём блокбастере.)

Оттащив Борю за котёл (откуда только у меня взялись силы!), к отдыхающим работягам, привалив к Саньке, накинув на остывающего мастера какое-то промышленное шобло, я

²⁷ зачмонился – пришёл, явился

²⁸ амплоиды – то же, что и буберы, бичблужеры и альбрунеры (ещё одно слово, придуманное мной)

вернулся за стол, вынюхал ещё линию порошка и запил её пятьюдесятью граммами спирта после такой чувствительной психологической встряски. Закусил вынюханное-выпитое бутербродом с колбасой, который принёс из дома. Пожевал без аппетита и после этого почувствовал себя ещё паршивее вместо реального душевного подъёма, какой, я надеялся, произойдёт после. Вся обстановка теплопункта с закопчёнными стенами, гудящими котлами, водогрейными агрегатами, неисправными насосами, с роящейся в воздухе густой пылью, несмотря на то, что в углу работал вентилятор, показалась мне тяжелее и тоскливее, чем когда-либо. Я и до этого, несмотря на то, что приходил на работу трезвый и не с похмелья, был не в восторге от здешних условий труда, от антисанитарии и бардака, бьющих в глаза, а сегодняшним утром, по стечению обстоятельств и под воздействием алко-наркотической химии, это негативное восприятие усилилось в несколько раз и прорвалось наружу в виде спонтанного бунта. К тому же мозги, припорошенные и залитые химическими заменителями счастья, ослабив контроль, словно в тумане воспринимая реальность, потеряли способность трезво оценивать ситуацию и адекватно реагировать на них. В голове под давлением алко-нарка вышли на свободу подспудно зреющие всё это время разрушительные импульсы, толкающие к агрессии и насилию против ненавистных эксплуататоров нового образца. «Раз пошла такая катавасия, – подумал я, – теперь мало никому не покажется».

Пока я прикидывал варианты поведения по отношению к субъектам, с которыми мне, возможно, придётся вступить в контакт в ближайшие минуты, и их реакции в свете последних событий, всплыл вполне закономерный вопрос: если у легара-дидроера «начнёт потеть гудрон», это будет абсолютный секатор? То есть, если директор не пришёл в хорошее расположение духа после скороспелого примитивно-жлобского производственного секса, то какова будет его реакция на моё сообщение, что его приказ игнорируется слесарем самым наглым образом?

И не приготовить ли мне ствол, едва переступлю порог его кабинета, чтобы не принимать участия в бессмысленных производственных разборках. Или сразу свалить, имея при себе такие весомые отягчающие доказательства, как оружие, деньги и наркотики? Но придётся тогда вступить в схватку с охранницами и положить их, а мне сейчас почему-то не улыбалась перспектива брать штурмом проходную. Да и хотелось ещё увидеть секретаршу. Тем более, может, у директора в сейфе лежат более интересные вещи, чем у начальника цеха в ящиках стола? Все эти вопросы хаотично вспыхивали в голове и требовали решения.

«Ладно, – подумал я, – схожу пока в цех, а там видно будет».

В цеху стоял привычный шум производства. «Странно, – подумал я, – все работают, как обычно, и никому невдомёк, что на территории завода уже минимум два трупа. И вполне вероятно, что это ещё не предел. Из ямы, где Мультик варил колёса вагонеток, сыпались веером искры, и тянулся густой сизый шлейф дыма. Помогавший ему Вован посмотрел на меня испытующим взглядом, но ничего не спросил. По узкоколейкам бодро катили в печи вагонетки с сырцом, – как и должно быть. Управлялись они из моей будки. Напрашивался вопрос: кто же ими управляет, если мастер, который должен делать это вместо меня по приказу директора, лежит за котлом, рядом с Санькой и Игорьком, и в более плачевном состоянии, чем они оба вместе взятые? Кто наблюдает за монитором, чтобы платформы с сырцом вовремя заезжали в печи, а после того, как оттуда через два часа после обжига выкатились с готовым кирпичом, чтобы не перекалились от тысячеградусной температуры, а то это уже будет не кирпич, а полное хавло²⁹, и кто будет отгонять их в дальний конец цеха, где они разгружались отдельной бригадой? Кто же тогда руководит процессом, если это не я?»

Сунув на всякий случай ствол за пояс джинсов, я подошёл к будке и осторожно заглянул в пыльное окно из оргалита. За рабочим столом никого не было. Получалось, что техника работала без вмешательства человека, сама по себе, словно ею управлял компьютер. Но такого

²⁹ хавло – брак, продукция скверного качества

компá ещё и в Японии не придумали, насколько мне было известно, и уж тем более у нас, а если придумали и запустили в производство, у нашего директора денег бы не хватило на такую супернавороченную компьютерную технику, способную в автоматическом режиме управлять этим железным хламом. У него только денег хватает на презенты секретарше. Туфли итальянские, какие на ней были в кабинете, когда она валялась, как щука на коряге, он ей подарил. И чулки тоже чёрные «Омса». И духи, какими от неё разит за километр. Так разит, что эту потрясную сучку сразу хочется посадить на кукан³⁰. Но и то правда, что такая суперпотрясающая девица достойна любых презентов, не то что его жена сто пятьдесят килограмм чистого веса. (Да там и на жену денег уходило (банкирам и день, и ночь деньги печатать на таких прожорливых пучин, как жена директора), – сжирала, наверное, по полвагона колбасы в месяц.) Будь я на месте патрона, давно бы спихнул этот заводило в притендер-аут³¹ и махнул с секретаршей на острова – жить в бунгало, пить португальский портвейн и заниматься любовью с этой прелестницей и днём, и ночью, а такую жену отвёз бы на тележке в яму с гашёной известью, – ей там и место, раз не может контролировать свои гастрономические аппетиты. (А я понаблюдал трезвыми глазами, – многие дамы не умеют их контролировать.) Эта фантазия показалась мне забавной, когда я обходил будку.

Меня разобрало любопытство: я осторожно приоткрыл дверь – посмотреть, что же там происходит, может, какой-нибудь Гарри Поттер местного значения управляет моим хозяйством. Тут мне на грудь прыгнуло рыжее лохматое существо, радостно гавкнуло пару раз и попыталось меня облизать, но я вовремя увернулся, почувствовав резкий запах псины, перемешанный с запахом мазута, солидола и ещё каких-то смазок, въевшихся в шкуру пса.

– Шарик! – растерялся я от неожиданности и погладил дворнягу-лабрадора по голове. – Это ты тут заправляешь кузькиной механикой, пропади она пропадом!

– Гав-гав-гав! – Пёс радостно завилял хвостом, и как будто с укоризной добавил: – Кто-то, пока я бегал на посёлок, оставил дрянь на столе, я, проголодавшись, её полизал, а теперь у меня в животе рези, и мне срочно нужно ко врачу! Гав-гав-гав!

Я зашёл в будку, глянул, чем собака могла отравиться. На столе стояла банка из-под майонеза с солидолом. Кто её тут поставил? Из моих сменщиков никто не мог.

Выйдя из будки я присел на корточки, – пёс сидел на задних лапах и, пригорюнившись, высунув язык, смотрел на меня, – и потрепал его по спине:

– Молодец! Хорошо несёшь службу! Только не надо совать морду по всяким сомнительным банкам! Ведь сколько раз тебе говорили! Сейчас мы сходим к Виолетте Александровне, и она даст тебе какое-нибудь лекарство.

– О-кей! – завилял хвостом Шарик, поднявшись на четыре лапы и поставив мне передние на грудь, когда я встал. – А что с этим делать? – И мотнул в сторону будки головой, ослабившись так, что стали видны боковые клыки.

– А ничего! Попроись оно провались! Пусть сами валандаются со своим хламом! Кстати, ты давно разговариваешь по-нашему? Об этом ещё кто-нибудь знает?

– Только электрики, когда меня нашли, я с ними разговаривал один раз. Да ещё с Яковлевичем, когда он пьяный, чтобы колбасы выпросить! А так больше никто.

– Правильно! Смотри, больше ни с кем не разговаривай! А то узнают хитрожопые мэны, замучают экспериментами в своих лабораториях, или в цирке развлекать дебильную публику, или ещё хуже маньяки в белых халатах заберут изучать, военщину подключат, будут тебе в задницу совать всякие штуки типа счётчика Гейгера!

– А в задницу-то зачем?

– Для опытов! Чтобы тебя можно было эффективнее использовать против противника!

³⁰ посадить на кукан – трахнуть

³¹ в притендер-аут – избавиться, сбрызнуть с рук

– О-кей! – согласился пёс. – Ни с кем не буду разговаривать! Я уже и сам по опыту знаю, что ничего хорошего из этого не получится – разговаривать по-человечески с вами – грёбаными гомосапиенсами!

Последние два слова из его фразы я сделал вид, что не расслышал, только удивился, что собака знает и ненормативную лексику и даже может на ней грамотно говорить, видимо, нахватавшись от наших заводчан, кивнул псу и двинул из цеха в заводской пункт медпомощи в лице рослой, красивой стройной дамы по имени и отчеству, как я написал выше. Её кабинет находился в конторе на первом этаже, под кабинетом директора.

Когда мы зашли в приёмную здравпункта – узкую комнатёнку с развешанными по стенам плакатами на тему производственного травматизма и заболеваний, передающихся половым путём с соответствующими картинками, я увидел скукожившуюся в уголке дивана с жёстким, как панцирь носорога, продавленным сиденьем, секретаршу, комкавшую у лица носовой платок. Покрасневшие глаза, волосы в беспорядке, блузка расстёгнута. Непонятно, намеренно или нет, но в прореху весьма аппетитно, что у меня сразу, как у завязатого гурмана при виде любимого блюда, потекли слюнки, выглядывали реально высококачественные женские прелести. (А то у некоторых дам только одно название что прелести.) Таких классных женских прелестей верхнего уровня я даже не видел ни на картинах гениальных художников в продвинутых музеях мегаполиса, ни в мужских журналах. У меня дыхание сперло при виде этой непосредственной женской красоты, бьющей сразу наповал, не давая даже несколько секунд на психологическую подготовку для защиты против абсолютного оружия красивой девушки, с одинаковым успехом используемого хоть полной дурочкой, хоть несомненной умницей против мужчин, при условии, что и та и другая может это оружие правильно применить. Чтобы впечатление было ещё драйвовее³² (сразу видно, что девица была далеко не дурочка), секретарша выгодно подавала свои длинные, потенциально эксклюзивные ноги в полный рост, как бы между прочим, скромно сжав ляжки в нужном месте (с понтом – девственница на выданье), белизна которых не вызывала сомнения даже у пропайпера-джо (т. е. венецианского плотника) и бросалась в глаза в скудном освещении комнаты, резче на фоне чёрной кожаной мини-юбки, какую девушка надевала по прихоти патрона и чтобы позлить других офисных дам, у которых не было таких сногшибательных ног и коротких юбок (да если бы у них и были такие откровенные юбки-мини, они не осмелились бы их надеть на работу, патрон сразу бы выгнал без выходного пособия, чтобы не позорили фирму перед клиентами корявым целлюлитно-варикозным безобразием), и пытаясь пробудить жалость и сострадание, вызывая в воображении образ в латаном переднике и стоптанных башмаках, копающейся в золе печки Золушки, которую зверски эксплуатируют, всячески унижая и третируя, ткачиха с поварихой со сватьей бабой-дамой-рихой и совсем того и гляди измочкалят бедняжку в хлам.

– Что случилось, Светлана Борисовна! – помимо воли, воскликнул я, словно после увиденной пикантной сцены в кабинете директора заимел право задавать вопросы его любовнице.

Шарик, гавкнув пару раз, радостно завилял хвостом, сразу забыв про отравление, не долго размышляя, метнулся к девице и сделал попытку ткнуться носом в её скрещенные ноги в самую основную эро-тему на женском теле. Даже собаки понимают настоящую женскую красоту и к ней неравнодушны, отметил я, ловя себя на завистливой мысли, что в этот миг и я согласился бы стать собакой, чтобы так нахально сделать, как сделал пёс.

– Отстань, не до тебя! – секретарша отодвинула коленкой собачью морду в сторону. Четвероногий друг собрался было обидеться, посмотрев на меня красноречивым взглядом, дескать, сейчас я ей скажу на русском языке, такое скажу что-нибудь сильное и образное, чтобы она поняла, что собаки тоже люди, – неравнодушны к красивым девушкам. Но, поймав мой предостерегающий взгляд: «Ты забыл, о чём мы договорились в цеху?» – промолчал, быстро

³² драйвовее – сильнее, эффектнее

нашёл, улёгшись у её ног и непринуждённо положил голову ей на ступни, одетые в те ещё туфли. Я опять поймал себя на завистливой мысли, что собакам в этом плане более свободного, фривольного отношения к красивым женщинам гораздо больше повезло, чем мужчинам; ни ухаживать не надо – дарить цветы, водить в ресторан, катать на автомобиле, тратить деньги и бензин, и потом, после плохонького засада по примитиву кидать деньги на множество дорогих, но ненужных с практической точки зрения дамских предметов. Я бы тоже с удовольствием, будь я четвероногим другом реально красивой дамы, такой, как Светлана Борисовна, с удовольствием положил бы голову ей на ступни или куда повыше, чтобы хоть на несколько минут, пока у неё хорошее настроение или наоборот, либо пока не пришёл двуногий мудила с цветами, бутылкой иностранного пойла и упаковкой таблеток для стоячки в кармане, судорожно сжимая их в руке и гадая – будет после их принятия нужный эффект, тем более после шампанского, прикоснуться к дару богов, а этот пинчер-лаб обнаглел – вывалил свой блестящий, мокрый, в каком-то белёсо-зеленоватом налёте язык, – видимо, и в самом деле хватанул из банки гадости, что даже его лужёный желудок начал подавать сигналы sos, – и положил на её остроконечный, как копьё викинга, носок дорогой туфли, купленной легаром в магазине дамских ботинок, а девица и не заметила, погружённая в свою печаль.

У меня появилась замысловатая мысль, что могло случиться, когда я ушёл из кабинета, имеющее отношение к непристойной сцене, невольным свидетелем какой я был. Меня так и подмывало спросить секретаршу, в чём причина её кислого состояния, ведь ещё каких-то тридцать-сорок минут назад она находилась, если и не в отличном настроении, то по крайней мере психологически нейтральном по отношению к объективной параболе Би-Бопса, но девица без посторонней подсказки, давясь словами, всхлипывая, дала волю чувствам:

– Максим Степанович... Максим Степанович... Максим Степанович...

Тут на меня снизошло озарение, и, не веря, что это и в самом деле произошло, чуть не задохнувшись от радости, я высказал свою догадку вслух:

– Копыта отстегнул!!?

– Инфаркт! – Всплеснула руками секретарша, совсем как одна знакомая пожилая дама из нашего подъезда, когда её пьяного мужа увезла скорая в пятое травматологическое отделение городской больницы, после того, как он в пылу скандала с женой, пытаясь ей что-то доказать, выпил бутылку водки из горла и выпрыгнул с пятого этажа на цветочный газон под окнами панельного дома, в котором проживал с этой женщиной с 1986 года. Ему квартиру дали, как победителю соцсоревнования, как раз перед приходом к власти Мишки, за звание лучшего бич-мориссона (т. е. передовика производства) в их строительно-монтажном управлении-115; выпрыгнуть-то он сделал дурку, – дело было весной, пенсионерки накануне праздника трудящихся Первое мая, уже летали майские жуки, тепло было в том году, и на берёзах появились листочки, город готовился к демонстрации, все предприятия начищали флаги и духовые музыкальные инструменты, насадили на газоне цветов: всяких гладиолусов, флоксов и ещё каких-то осенних, от них в сентябре запах идёт дурью. Но пенсионер при падении клумбу не помял, – зря пожилые дамы беспокоились, потому что на клумбу не попал, а упал рядом, на асфальтированную дорожку, как раз накануне каток трамбовал асф, и всего-то сломал пять рёбер, позвоночник в двух местах, бедро, получил сотрясение мозга и так, по мелочи, многочисленные разрывы и ушибы внутренних органов и переломы рук и ног; пенсионерка потом в больницу ходила и всё укоряла мужа, какой он упрямый долботрон³³, – всё делает по-своему, хоть дрын на лысине строгай, пока он не умер.

– Одним гадом меньше! – помимо моей воли, вырвалась у меня ещё одна бестактная фраза, – так я обрадовался, что мне за сегодняшнее утро хоть один раз вчистяк повезло не ходить за самогоном к Галине Петровне! И теперь отпала необходимость решения проблемы

³³ долботрон – дурак, мудила из Гороховца

с директором, как я её успешно решил до этого с начальником и мастером. А я уже, пока вёл Шарика в медпункт, начал себя готовить морально и психологически к решительному поступку, после того, как сдам собаку Виолетте Александровне; хочешь не хочешь, а обстоятельства вынуждают навести дуло пистолета на несимпатичную физиономию постперестроечного эксплуататора. А теперь – веселись душа, пой песни! Как всё образовалось само собой чудесным образом! Ах, какая молодец эта девчонка секретарша! Хотя сама об этом не знает. Отправить слугу Вельзевула прямо к последнему на брифинг, и сделала это весьма экстравагантным способом – сексом! Да её надо занести в книгу Рекордов Гиннеса! (Так что, красивые девчонки, мотайте на ус, дурочки прекрасные, как надо без шума и пыли избавляться от заживших лепил-бизнесстрансов, но перед этим не забудьте выйти замуж и подписать брачный контракт на сто процентов от бизнеса, то есть, сами понимаете, да?) Из чувства благодарности я готов был расцеловать секретаршу и даже без задних мыслей, расцеловать как сестру, как близкого друга, который мне оказал такую классную услугу, и даже отстегнуть ей американского бабла из пачки наччеха, – пришла мне такая мысль в голову, но не до конца.

– А он мне обещал выдать премию за прошлый квартал, подарить французский автомобиль, купить норковую шубу, бросить эту заживевшую бегемотиху – жену, жениться на мне и провести медовый месяц на Багамских островах! – Секретарша, кажется, и не слышала мою последнюю эмоциональную реплику, погружаясь с головой, ушами и пятками в своё детское горе Золушки. (Надо отметить, что эта девушка по своей психологии была стопроцентной Золушкой – то есть такой красивой девушкой из бедной, малообеспеченной семьи, раздвигающей ноги для мужчин, поманивших её из иностранного автомобиля зелёными бумажками с портретами американских президентов, и мечтающей выйти за них замуж, будь они самыми последними импотентами, отъявленными мерзавцами, проходимцами и пидорами. Хотя, как выяснилось позже, я был не совсем чтобы прав, и эта девушка делала исключение из кодекса поведения отнюдь не сказочных современных Золушек.) – А я, как дура, поверила ему, – продолжала она раскручивать свою пластинку, – и отказала в руке и сердце одному парню из топливно-энергетического бизнеса, обещавшего мне, если выйду за него замуж, нефтяную вышку в Новом Уренгое! Ой, какая же я дура, я – дура, я глу-у-упая! А-а-а-а-а-а-а-а! – Заревела, как сигнальная машина, Светлана Борисовна, повалившись на диван и уткнувшись красивым личиком в залоснившийся кожанаменитель дивана. – Ккакая же я дурында амплитударная! Сейчас бы сидела всей попой на вышке, вертела бы мужем, как Арлекином, и по фигу мне были бы все кризисы в Североамериканском анклав! – Секретарша, дав волю своим чувствам, забилась в истерику, нащупав золотоносную жилу мазохистского удовольствия, на которую падки многие представительницы прекрасного пола, особенно среди особ, склонных к синдрому Пейтца-Егерса.

Я, конечно, на заднем плане ума понимал, что девица на пятьдесят, если не больше, процентов разыгрывает передо мной спектакль, и даже в какой-то степени был ей за это благодарен, так она правдоподобно, почти искренне практиковала себя на поприще драматической актрисы, что даже от слёз с её настоящих, длинных, пушистых ресниц идеально выгнутой формы потекла тушь на ланиты (и ниже – на идеальной формы перси, как называли женскую грудь персидские поэты; как поэтично, в натуре, звучит, не то что в современном молодёжном сленге называют женские прелести верхнего контента: дойки, буфера, сисон, и т. д.), затекая под расстёгнутый ворот блузки. Мне даже стало немного жалко её маму; будет потом отстирывать «Лотосом» и, вполне вероятно, не в стиральной машине «Бош» или «Эл-Джи», а голыми руками, в медном тазу, грязную блузку, в которой её дочь придёт с работы с печальным известием: «Мама, пролетела я с замужеством за этого жирного крота, не получилось из меня Дюймовочки, он сегодня дуба дал в кабинете от инфаркта миокардова на производственном совещании, опять заказчики – сволочи, кирпичи не берут, говорят в ОАО „Силикат“ кирпичи и дешевле, и качеством выше». И расстроенная мама, что не удалось ей побыть тёщей новорус-

ского бизнесмена, будет стёртыми от тяжёлой работы на льнопрядильной фабрике (не сегодня-завтра готовый обанкротиться, где зарплату не дают уже полгода) руками мочкалить дорогую итальянскую шёлковую блузку, подаренную Максимом Степановичем её дочери на день рождения, и вздыхать, и переживать за свою красивую дочь, которую она родила от проходимца, бросившего их, когда малютке было три месяца. Я догадывался, что девице нравится её выступление перед зрителями в моём лице и морде Шарика, несмотря на подоплёку, но всё же не будем твердокаменными; когда я увидел у неё слёзы на глазах, у меня в груди что-то тяжело толкнулось, как сом в рукомойнике, – без базара, стало жалко Золушку при виде, как она без фальши убивалась, что разом рухнули мечты девушки из неполной рабочей семьи ещё совковой закваски стать аристократкой, пусть и местного, провинциального масштаба, леди Забулдыриной (девичья фамилия её трагически погибшего на производстве несостоявшегося супруга) и женой пусть и брюхатого, и омерзительного типа. Зато не надо работать секретаршей: ездить на заводском автобусе на ненавистное предприятие, специализирующееся к тому же, – о, какой позор для победительницы конкурса красоты! – на выпуске кирпича, причём далеко не экстра-класса, а можно валяться в постели до полудня, теребя клитор пальчиком и мечтая о молодом, красивом, популярном певце. В это время абсолютно непривлекательный муж пускай вершит дела в своём глиняно-песочном королевстве, а она будет покупать платишки и трусишки в единственном в городе сносном шопе «Вуменс линджери», кататься на собственной импортной машине, подаренной всё тем же постылым неаленделоном (отнюдь, бабушка Прокофья!), ловя завистливые взгляды других дам. И однажды подкатит на кабриолете к офису завода, чтобы все лахудры из бухгалтерии полопались от зависти, как мыльные пузыри, а эта сучка из отдела кадров вывалилась бы из окна и переломала себе ноги, которые, надо признать, почти не хуже, чем у Золушки. И эта скотина – легар-дидроер, уже присматривался, как бы засунуть и туда своего неживого бефстрогана; не за просто же так живёшь он взял её на работу с биржи труда сразу зам. по кадрам, а попозже и главной назначил вместо забеременевшей неизвестно от кого Томки-скороварки, сухой, как вобла, редкостной злючки с острыми, как корабельный якорь, коленками, которую конторские дамы ненавидели больше, чем её и отдел кадров вместе взятых.

Такие, наверное, радужные мечты и мысли были у бедной – почти по Достоевскому – Светы до этого момента, когда разом всё обрушилось, как мартовский снег с крыши, пошло прахом, без надежды что-либо исправить. И вдруг, несмотря на дурман в голове и смятение в груди, мне стало её по-чистому жалко, несмотря на то, что перед глазами, как капля яда в сиропе для мороженого, опять всплыла картинка её спадающей с ноги туфли, что я, движимый, может, и неуместной в данной ситуэйшен жалостью, подошёл к дивану, присел на корточки и заботливо, совсем не так, как Шарика, осторожно прикоснувшись ладонью к волосам, начал гладить плачущую принцессу по голове, сделав попытку её успокоить.

– Не убивайтесь вы так, Светлана Борисовна! Найдёте вы себе другого легара-дидроера! То есть директора! (Я сам, разволновавшись, не заметил, как стал употреблять кличку, впрочем, секретарша, занятая своими тяжёлыми мыслями, этого не заметила, а может, и знала погонылово босса – как его за глаза величают рабочие.) Ещё круче найдёте! На более престижном предприятии и в мегаполисе! С вашей-то суперэффектной модельной внешностью подобного ему бич-поппера вам зацепить – всё равно что, как два пальца... раз плюнуть найти! Не переживайте, бывают и в Карловых Варах стихийные бедствия! Что ни делается, – всё, как говорится, к бесту! Заарканите реального миллиардера и кататься будете не на какой-то жалкой пежухе рязанской сборки по кочкам и колдобинам убогого заштатного городишки, а на «феррари» по автобанам Европы и Америки, носить бриллиантовые колье и серьги и жить в Санта-Бар баре! Смотрели сериал, – лет восемь назад по теледурилке показывали, как там клево богатые живут! Не то что мы в этой провинциальной помойке! Не стоит убиваться по какому-

то жирному лабуху, что он мочканулся вчистую, не сегодня-завтра его кирпичная лавочка всё равно накроется медным тазом, а его самого грохнули бы отморозенные ребята!

– Но я не хочу жить в Санта-Барбаре! – капризно сказала секретарша, перестав хныкать и уже внимательно посмотрев на меня блестевшими от слёз глазами.

– Ну тогда в другом чудесном месте, где по праву должна жить такая великолепная девушка, как вы! А не в этой убогой, бедной деревне, где мы существуем уже две тысячи лет!

– Вы правда так думаете?

– На охоту с Мюнхгаузеном не ходить! – я постарался вложить в реплику всю уверенность и убедительность, на какие был способен в этом состоянии, не забывая о том, что эта красавица индекс тысяча без зазрения совести разыгрывающая передо мной душераздирающие сцены, ещё не так давно лежала на спине, как в дешёвом порноролике про начальника и секретаршу, на столе, который, наверное, ещё и остыть не успел, в отличие от его патрона, и фальшиво охала, зарабатывая на бельишко, бижутерию, «колёса» (в смысле автомобиль, а не которые глотают нарики) и прочие радости современной Золушки.

– Спасибо! – сказала вдруг с чувством, какого я от неё не ожидал, секретарша и, кажется, искренне, вытерев сырым, выпачканным в туши платком слёзы, прильнула губами к моим губам. Поцеловала, короче.

Вот этого от неё я совсем не петрил. Я стушевался, что-то пробормотал дрогнувшим голосом и, растроганный, без задних мыслей, обнял девушку. Она не сопротивлялась. Наоборот, прильнула ко мне разгорячённым телом ещё ближе, чем я мог вообразить, инстинктивно, словно пытаюсь защититься от неприятностей, ожидающих её впереди, после этого казуального дежа-вю. Моя рука, продолжающая поглаживать девицу по голове, как-то само собой переместилась на шею, потом на спину, ниже, – и я даже не уловил момент, когда она заскользила по её участкам тела интимного прогресса.

Секретарша перестала всхлипывать, задышала глубже и чаще, когда я рукой провел по её груди, потом по животу и нижнему, весьма специфическому дамскому информационному полю.

– Не надо! – прошептала девица, покрывшись румянцем. Не отреагировав на её «не надо», я взял её за голову руками, привлёк к себе и начал целовать. Конечно, это был не совсем подходящий момент, когда девица была в шоке после кабинетной драмы, а рядом, поскуливая, страдала собака от отравления, но после восьмого пылкого, как заря над Ленинградом, поцелуя – они на неё начали оказывать терапевтическое действие, не хуже, чем на приёме у психолога. После девятого поцелуя у меня у самого закружилась голова, – так было приятно, – намного лучше, чем принимать всякую дрянь в виде порошка и алкоголя, и рождало революционные мысли (но не в плане захвата Зимнего и выстрела из пушки с крейсера «Аврора» по Кропоткинскому переулку), что девица, находясь в состоянии посттравматического синдрома Допплера, может мне позволить и более дерзкие поступки. Игнорируя её смехотворные попытки сопротивляться, пока она находилась в ступоре, еле защищаясь от моих домоганий, я сказал:

– Светланочка, солнышко! Ляг на спинку! (Она уже полулежала на боку.)

– А вдруг кто-нибудь войдёт! – спросила она испуганным шёпотом, однако приняла рабоче-крестьянскую позу.

– Пусть только попробует! – ответил я самоуверенно, вынимая из кармана убийственную тульско-токаревскую машинку, и, повертев ею у неё перед носом, хвастливо добавил: – Тому тогда мало не покажется!

– Ух ты! – У девицы загорелись глаза. – Откуда он у тебя?

– От верблюда! – Я положил ствол на куртку, которую снял и бросил на пол рядом с собакой. Шарик, с интересом наблюдавший за моими действиями, поджал хвост.

Я расстегнул zipper на джинсах и приспустил их до колен. Волосы на ногах у меня от волнения и мысли, что сейчас эта восхитительная девушка будет моей, топорщились, как антенны. Мой бармалей выскочил из семейных трусов и упруго закачался вверх – вниз – в стороны, как специфическая игрушка из sex-shop'a для одиноких дам (а не для одиноких, у каких мужья стерилы – тем паче), словно внутри у него были специальные пружинки.

Секретарша, как загипнотизированный удавом кролик, затаив дыхание, не мигая, смотрела на него несколько секунд, очнувшись, вздрогнула и проделала с моим малышом такие манипуляции, которые, если называть их медицинскими кастрированными терминами, звучат, как «серенада на привязи», то есть – орагенитальным контактом.

«Однако, – я был ошарашен, сразу слегка протрезвев от дерзкой инициативы чертовки, – этой девочке в рот пальца ни за что, – говоря образно и в прямом смысле, ей по силам и 150 легар-дидроеров угробить, мама не горюй, коза на привязи! Кстати, – вспомнил я не к месту про одного из этого племени, – где сейчас начал превращаться в компост её патрон? В своём кабинете? Или его успели, пока я валандался в теплопункте, оттащить в другое помещение до прибытия людей из соответствующих структур человеческого муравейника. Не повезут же его в железной тележке, как простого смертного, в яму с гашёной известью? А было бы неплохо, по закону справедливости, если б и его туда транспортировали! Там ему самое место! Вот уж вряд ли! За ним приедет его „жиртрест в сарафане“ и закопает в таком месте, где лежат подобные ему легары-дидроеры, чтобы тому было веселее гнить, разлагаться и плодить собственной тучной мёртвой плотью армию жучков, червей, сороконожек в обществе себе подобных строителей нового российского капгосударства».

– Стой, детка! – я рефлекторно отдернул голову девушки от своего паха, подумав, что от её энергичной, напористой оральной ласки как бы не приплыть к финишу раньше времени! Уж больно она ретиво взялась, застав меня врасплох! – Светланочка! Рыбка! Давай сделаем так, как я тебя просил! – Мне сначала хотелось познать её как женщину в традиционном, так сказать, феодально-прикладном порядке, как «познавали» женщин ремесленники, чернь, да и аристократы с купцами в Средневековье, при святой инквизиции, или как в советском обществе идейные коммунисты своих не менее идейных жён-комсомолок при власти КПСС: в рабоче-крестьянской позе, официально разрешённой что при феодальном строе, что при социалистическом, для увеличения проглотов на третьей планете от звезды с красивым названием Солнце. (И такие уроды живут на этой планете. Не могли инопланетяне вывести более качественную популяцию, чтобы не стыдно было смотреть в глаза, когда придёт время.) На лице девицы мелькнуло недовольное выражение, но тут же прошло. Она опять откинулась на спину, согнула в коленях и широко развела ноги в стороны, как гимнастка на трапедии... Положила голову на подлокотник и приготовилась...

Только я собрался обработать гладкую, запрещённую для сладострастных утех моралистами-импотентами всех мастей и конфессий женскую область, грубо говоря, засандалить поглубже, приняв позу Лебедя, взбирающегося на Леду (см. «Мифы Древней Греции»), отшлифовать до блеска её гладкие молочные бёдра (но не как этот жлоб легар-дидроер, а с должным пиететом перед настоящей красавицей), как залаял Шарик, видимо, потеряв терпение, когда же его начнут лечить; я в этот миг вздрогнул и отпрянул от настроившейся получить реальное удовольствие девицы.

И вовремя: дверь кабинета распахнулась и в проёме выросла фигура врачихи – дамы весьма аппетитной конфигурации, имеющей в наличии и стройные, длинные ноги, и пышную тазобедренную часть женской красоты, и выпирающий из белого халата бюст приблизительно шестого размера, словно она и не была серьёзной дамой-врачом, а порноактрисой, собирающейся сниматься в ролике про медсестру и пациента, а за дверью приготовился режиссёр с видеокамерой... (Тут, если следовать логике, и мы с секретаршей подросли для групповухи. В таком случае Шарик со своим отравлением желудка был вообще не при делах.)

– Что здесь происходит! – спросила она строгим голосом, сразу смягчившимся, когда заметила моё смущение и неловкую позу: я, впопыхах натянув джинсы, застёгивал zipper.

– Да вот... – сказал я, пытаюсь подавить смущение, – Шарик мазута налился, говорит, точнее, всем своим видом показывает, что чувствует себя очень плохо: скулит, подвывает, горестно смотрит в глаза, мол, помогите, а то я в любую минуту могу копыта, то есть, лапы, откинуть, – объяснял я путано и сбивчиво, чтобы не заострять внимания врачихи на своём конфузе.

– Какое ещё отравление! – вскинулась было врачиха. – Тут такое ЧП районного масштаба! Главный умер! Сейчас народу набегит!

– Аф-аф-аф! – жалобно стал тявкать пёс, как будто подтверждая сказанное мной, что ему реально тяжело.

Секретарша в этот момент, пока я говорил и пока гавкал Шарик, успела прийти в себя: села, как полагается в таких случаях, оправила юбку и застегнула блузку. Вынула из сумочки косметичку, зеркальце и начала наводить на подпорченное слезами лицо красивую, привычную и приятную для мужского глаза картинку.

Докторша осеклась, бросив взгляд на собаку, и, переключив внимание на секретаршу, добавила:

– А вы, милочка, идите к себе и постарайтесь успокоиться! Нашему шефу теперь уже всё равно: будут клиенты брать в следующем месяце кирпич или не будут, и строить ли новый ангар для продукции! Чёрт! Никак не могу дозвониться до Михаила Васильевича (так звали начсеха)! Что там ещё могло случиться! Людей из серьёзных организаций я уже вызвала и жене позвонила. Будут задавать вопросы...

– А что мне им отвечать, если будут? – спросила секретарша.

– Ну... – Докторша задумалась... – Скажите, что инфаркт во время совещания...

– Так ведь не было никакого совещания!

– Ну, дорогая моя, – усмехнулась Виолетта Александровна, – придумайте что-нибудь! Кто, в конце концов, угробил нашего шефа: вы или Аспазия Вавилонская?

«Значит, – подумал я, – секретарша, находясь в притендерс-ауте, рассказала врачихе всё, как было! Опрометчивый поступок с её стороны!»

– Я его не угробила! – собралась опять сорваться в истерику девица. – Он сам от жадности копыта откинул, свинья! И чулки мне заляпал своей гадостью! – Тут секретарша поняла, что в запальчивости сказала лишнего, и прикусила язык, но её последняя реплика, как мне показалось, не удивила докторшу, тем более на заводе уже давно все знали, начиная с главного бухгалтера и заканчивая Шариком, об истинных отношениях директора и его секретарши.

Виолетта Александровна только усмехнулась, сделала жест рукой собаке следовать за собой, повернулась и пошла в свой медицинский кабинет, давая этим понять, что разговор окончен.

Пёс проворно побежал за ней, виляя хвостом.

Когда за ними захлопнулась дверь, секретарша мне сказала:

– Если вас не затруднит, проводите меня, пожалуйста! – Виду неё был рассеянный, словно она пыталась вспомнить что-то важное.

– К вашим услугам, Светлана Борисовна! – Я застегнул рубашку, заправил в джинсы, выудил из-под дивана куртку с лежащим на ней «ТТ», которые я успел запихнуть ногой, когда докторша открыла дверь, надел куртку, ствол сунул за пояс джинсов, чувствуя ...опой, что он мне пригодится, и направился за девушкой, – она уже открывала дверь в коридор.

Не успели мы с ней пройти двадцать метров, как на лестнице послышался топот, и через несколько секунд в конце коридора появилась толпа разгорячённых конторских дам во главе с начальницей отдела кадров, которая по своим внешним параметрам слегка уступала секретарше и считалась её потенциальной соперницей за руку и бабло уже покойного патрона. Кон-

торские дамы – массивные, под сотню, а то и более кг каждая (неплохо тут разъедались), были похожи на стадо специально откормленных на выставку домашних животных, чуть ли не бегом пронесли мимо, – даже дребезжали панорамные окна от их тяжёлого хода, едва не сбив нас с секретаршей, – мы едва успели отпрянуть к стене, – таким был угрожающий ход отдельно выведенного вида существ в лаборатории производственных технологий... Зав. отделом кадров – я даже за время работы на заводе не успел узнать её имени-отчества – только смерила нас взглядом, ничего не спросив.

Воспользовавшись моментом, я взял руку девушки в свою и пожал. Когда взволнованные дамы скрылись за дверью медпункта, я обнял секретаршу, как бы частично компенсируя неудачную попытку в приёмной докторши, прижал к себе и поцеловал её в мягкие, сочные губы, давая понять, что, несмотря на первый блин комом, я не утратил пыла и готов повторить попытку.

– Погоди. – Девушка мягко отстранилась от меня. Выражение лица у неё было уже не таким, как в приёмной, – раскисшим и растерянным, а жёстким и целеустремлённым, словно она нашла решение внезапно возникшей проблемы.

«Чего это она?» – подумал я.

Секретарша посмотрела на дверь медпункта, куда влетела группа возбуждённых патологоанатомических работников производства, потом в дальний конец коридора и уже после мне в глаза. Пытливым изучающим взглядом посмотрела, что мне стало слегка не по себе. Расправила воротник на моей куртке, как бы намекая этим полуинтимным жестом, что она совсем не против продолжения так внезапно возникшей между нами симпатии, улыбнулась, поцеловала и спросила:

– Для начала хотя бы скажите, как вас зовут!

– Амбарцумян Драдаута!

– Нет, я серьёзно! – Взгляд её серых глаз и в самом деле стал неслучайным.

– Роман.

– Хорошо. А меня – ты знаешь – Светлана. А теперь такой вопрос: на тебя, Рома, можно положиться? Меня ломает отвечать на щекотливые вопросы, что будут задавать неприятные типы, тем более эти коровы наговорят не знаю и чего... А тут есть реальная возможность изменить жизнь к лучшему... Не без риска, конечно...

– Не вопрос, мисс Вселенная 200...

Секретарша улыбнулась, глядя на меня в упор:

– Ну, тогда – вперёд! Мне почему-то кажется, что тебе можно верить!

– Ещё как можно! – я сказал твёрдым голосом последнюю фразу, чтобы окончательно развеять её сомнения.

Мы поднялись на второй этаж, прошли в кабинет директора.

Я почему-то был уверен, что его тело находится здесь, и входил в дверь кабинета с неохотой, высматривая глазами труп патрона, и, не обнаружив его в помещении, посмотрел на секретаршу и подумал, что в соседнем кабинете ещё и окоченевшее туловище начальника уже начало готовиться в блюдо для червей и прочих подземных жителей.

Секретарша, взглянув на меня, сразу поняла, какой вопрос вертится у меня на языке.

– Не беспокойся! Максим Степанович сейчас находится в медпункте, на кушетке, за белой занавеской (она из деликатности, теперь совсем не нужной, не сказала, что от Максима Степановича осталась только одна, начинающая гнить, почти стокилограммовая чушка).

– Тогда всё в прогрессе, Света! Признаюсь, у меня словно камень свалился с души: шефа и мёртвого увидеть сейчас не очень-то хочется!

Секретарша подошла к сейфу, стоящему в правом от стола углу, нагнулась, – её зад соблазнительно округлился под юбкой, – и стала производить манипуляции с кодовым замком.

Я приблизился к ней вплотную и, не удержавшись, погладил по восхитительным формам.

– Не сейчас! – девица вильнула «кормой», однако, не резко и раздражительно, а как бы давая понять, что она совсем не против, только не в данный момент, повернула цилиндрическую шутовину на дверце и открыла сейф.

Я заглянул через её плечо внутрь стального ящика.

Десятка два толстых пачек денег, пистолет-пулемёт типа «узи» и три тугих целлофановых пакета с, как я догадался, таким же порошком, какой я реквизирувал у начальника цеха.

Я усмехнулся: нехилая тут у них, оказывается, лавочка, а рабочим платят гроши и условия труда – полная, смею выразиться, джопаридзе!

Секретарша без церемоний сунула руку в сейф и, игнорируя кокс, бабло и мэшин-ган, вытащила кожаную папку, которую я не заметил.

– Вот она! – просияла девица, щёлкнула позолоченной застёжкой, раскрыла её и, перебирая пальчиками плотные листы бумаги, впилась взглядом в её содержимое.

Так продолжалось минуты две. Казалось, девушка напрочь забыла обо мне, так, наверное, было интересно на страницах папки. Я терпеливо мялся рядом, не зная, что делать, и бросая редкие взгляды в содержимое документа, которое мне показалось филиппинской грамотой.

Не выдержав затяжного кабинетного безмолвия, я, тронув её за локоть, спросил:

– Ас этим, что делать? – И кивнул головой в сторону раскрытой дверцы сейфа, намекая на содержимое ящика.

– Забирай! – ответила девица, даже не повернув головы от магических страниц, словно в них был код Апокалипсиса, и от его разгадки зависело если и не будущее человечества в целом, то наше, во всяком случае, точно. Секретарша, не отвлекаясь от документа, уселась мягким местом прямо на стол, чтобы было удобнее читать, я так понял.

Дело хозяйское, подумал я, нашёл полиэтиленовый пакет в шкафу, бережно положил в него пачки с драгоценной бумагой и порошком из сейфа; «узи» я положил на стол, рядом со Светиной красотой, какой она ёрзала от возбуждения по оргалиту, не забывая рыскать взглядом по тексту.

Я подумал, не заправить ли мне ноздри «коклундайером»³⁴, вон его сколько, хватит на батальон коксоманов³⁵ заправить и не один раз коксануть не по-детски, может, опять нарисуются битлы, что-нибудь зажигательное, в тему текущего момента, или роллинги споют «сатисфэкшен» – тоже группа, достойная самых изысканных похвал, чтобы в кабинете немного веселее стало. А после этого оприходовать Свету, но не как *legar-didroer*, а поставить её в полунаклоне: грудь и живот на столе, ноги на ширине плеч, и отсандаить как следует, чтобы дым пошёл коромыслом и эта принцесса глиняных карьеров прочувствовала себя полноценной woman! А то уж она чересчур загрузилась в филькину пропаганду: вон как глазами ест содержимое страниц, как бы у неё не зашкалило в голове от информации для внутреннего пользования работников ИТР...

От таких мыслей я сразу как будто попал под локомотив виннипег-джексон. Достал из кармана початый пакет с порошком, сделал по уму, прямо возле Светиной пинджи-дори³⁶, на какой она сидела в пяти сантиметрах от места, где я соскребал отнюдь не сахарную пудру в белоснежную линию на вершине Килиманджаро, и, морщась и вздрагивая, втянул ноздрей этот яд вместо нафтизина. Сразу в мой мозг словно воткнули тысячу иголок, будто я – тряпичная кукла, в какую чёрный колдун втыкает их, чтобы заморить единорога. Одновременно мне стало казаться, что он у меня заработал процентов на пятьдесят, не хуже, чем у одной героини боевика, и смог частично воспринимать многомерную реальность, и уже начал в неё

³⁴ коклундайер – кокаин

³⁵ коксоман – наркоман

³⁶ пинджи-дори – попы

погружаться, правда, без галлюциногенных концертов, но в этот момент секретарша отвлекла меня от увлекательного эксперимента вглубь непознанных вселенных.

– Это то, что надо! – воскликнула она и посмотрела на меня. Глаза у неё сверкали, как два алмаза по сто карат, и лицо стало просветлённым и счастливым, как у футбольного фаната, когда его команда разгромила противника со счётом 10:0. Не замечая, что я нахожусь в глубоко личном кайфе, выпав из этой системы координат за исключением физической оболочки, она произнесла: – Милый Рома! Ты не представляешь, – потрясла у меня перед носом папкой, – какая это навороченная байдовина! Дай я тебя поцелую, голубчик!

– Поцелуй, восхитительная принцесса грёз! – сказал я в полном восторге, с трудом вылезая из дурмана и включаясь в реальность, пропустив мимо ушей среднюю часть её реплики. – И пусть после этого поцелуя метеорит упадёт на Лондон, горизонт взорвётся тысячью сверхновых звёзд, и я умру счастливым у твоих ног, окрашенных семипалатинскимджоульконвергентнымчайфайзергроудбитморродагсеном, и другого кайфа мне в жизни больше не надо!

Секретарша засмеялась впервые за это утро, и мне очень понравился её смех – заразительный и лёгкий; таким смехом смеются только дети и очень красивые девушки, испытавшие с мужчиной в первый раз восемь качественных оргазмов, и, обвив мою шею руками, сделала так, как сказала. Взасос пухлыми, мягкими губами. Да так хорошо поцеловала, сучка, что у меня замутилось в голове круче, чем от порошка; ноги ослабели, пакет выпал из рук, и мелькнула мысль, как же она тогда хороша в продолжительном ласкании маленького повелителя глубоких женских тайн, если я при простом поцелуе чуть ли не падаю от удовольствия! Не зря, значит, этот аллигатор-легар дарил ей дорогие подарки и обещал жениться! Этой восхитительной сучке всё пообещаешь после таких поцелуев! В голове у меня и без битлов-роллингов зазвучали серенады и даже кусок из оперы Даргомыжского, хотя я и не был поклонником классической музыки: как она туда попала не понятно. А когда девица прижалась ко мне плотнее, что я, даже несмотря на одежду, почувствовал жар её тела и совсем начал терять контроль над ситуацией.

Тут я понял, что настал момент действовать более решительным образом. Без лишних слов, жестов и восклицательных знаков я сдёрнул прелестницу со стола за руку, развернул к себе спиной, наклонил и задрал её кожаную юбку, подумав, что и директор, наверное, проделывал с Аспазией Вавилонской подобные выкрутасы. Перед моим взглядом предстали две почти идеальные мячикообразные выпуклости, гладкие, как лысина бич-стокера, без единого микрона целлюлита. Я понял, что девица реально была идеальным объектом для наслаждения для настоящих мужчин, и чуть не потерял сознание при виде такого откровенно-наглого совершенства женских прелестей нижнего уровня, ставящего под сомнение все достижения стерильных мэнов в области науки и техники и даже загадку «лыбу давящей» знаменитой картинной ханжи³⁷ из европейского музея, и загорелся желанием немедленно опробовать их на пригодность как объект наслаждения уровня люкс одним весьма пикантным мужским органом. Я тут же забыл про деньги, наган и порошок и только собрался всерьёз взяться за дело, как в дверь постучали, и через миг просунулась взлохмаченная, местами подпалённая голова. На багровой, как варёная свёкла, физиономии с полным отсутствием растительности, включая брови, глаза вращались со взглядом бешеной обезьяны, чудом спасшейся от пожара в джунглях. Мне опять пришлось отдёрнуться от секретарши: в обезображенной физиономии я с трудом узнал начальника цеха. Однако! Силён оказался парень к воздействию электрошокера! Сто тонн навоза в гору на колхозной телеге, – сегодня явно не мой день! И с этим придётся смириться, а то как бы не было хуже! «Хен-за, бэйби-хен-за, бэй-би хен-за, бей-би, бей-би!» – зазвучал в голове мотивчик, но явно не битловский и роллинговский.

³⁷ «лыбу давящей» знаменитой картинной ханжи – Джоконды

– Извините, Степан Макарович! – прошепелявила голова начцеха, приняв меня за директора, и исчезла за дверью.

– Кто там? – спросила секретарша насторожённо-капризным голосом, не меняя позы.

– Ходят тут козлы всякие, – ответил я, – мешают обнимать прекрасных девушек!

– Как ты хорошо сказал, милый! – Довольная девица плотнее придвинулась ко мне изящным крупом.

Но нужный запал у меня уже прошёл, и это место покрылось явным разочарованием, досадой и злостью. «Чтоб тебя крокодилы покусали, – подумал я, пытаюсь вызвать в себе новый импульс, – второй раз за сегодня облом, а день только начинается!»

Секретарша тоже поняла, что момент, дающий свет для плотского наслаждения, упущен, повернулась ко мне лицом, одёрнула юбку таким привычным, обыденным жестом, словно эти конфузы происходят с ней регулярно, и при воспоминании о делах её красивое лицо, чтоб мне попасть в чёрную дыру (в прямом смысле, а не в переносном), посерьёзнело на глазах.

– Рома! – глядя мне в глаза, нашарила на столе папку, – с этим документом на руках мы вступаем в зону повышенной опасности! Знаешь, какие это «кирпичи»? За эту папку денег можно срубить – десять мясокомбинатов без проблем построить, оснатив новейшим оборудованием по производству колбасы и зельца! Купить казино в Лас-Вегасе или военный полигон для испытания нового оружия массового поражения английских мышей и прусских тараканов! Я удивляюсь, как он её держал здесь, в своём кабинете, и за ней ещё не пришли знающие люди!

– Знающие чего?

– Для тебя это не имеет значения! Важно то, что, находясь сейчас со мной, ты встаёшь на остриё ножа! Пока не поздно, можешь уйти, я всё пойму, только оставь мне эту игрушку, показала она взглядом на пистолет-пулемёт.

– Света, ты за кого меня принимаешь! За пидора потного, боящегося собственной тени! Разве я брошу такую суперпотрясающую девушку, как ты! С тобой мне теперь не страшен сам чёрт лысый в пиджаке от хьюга-босого с золотой цепью на шее и повадками дешёвого фрэера, говорящего фразами типа: «Ты че, в натуре, фильтруй базар, беспонтовая лошара!» Я таких уродов, – я взял со стола игрушку взрослых мальчиков, – если надо, полк положу у твоих ног, прекрасная херувимного плана девочка!

– Ты в самом деле думаешь, что я такая? – Зарделась и даже слегка застеснялась секретарша от удовольствия. – А этот жирный боров иначе как шлюхой, дешёвой подстилкой и прожорливой гусеницей не называл! Импотент позорный! Трахал меня от силы минуты две-три, ещё и в рот заставлял брать своего семисантиметрового – полувялого, и всё кормил обещаниями, подарит автомобиль и золотые серёжки, выгонит этого бегемота – жену, женится на мне и в медовый месяц повезёт на острова! А сам копыта откинул – скотина глиняно-песочная! А я, как последняя лохушка, терпела его издевательства и мутоту под названием «служебный роман»; а после такого – язык не поворачивается сказать – интима, у меня болела то голова, то поясница, месячные стали приходить не вовремя, и постоянно была раздражённая и злая! – Секретарша посмотрела на меня с испытующим любопытством: – Надеюсь, ты не ревнуешь, что я тебе рассказываю! Другому бы я никому не рассказала! Но, учитывая ситуацию и то, что ты какой-то не такой, как все остальные бич презеры... Знаешь, милый, на душе накопело, честное девичье слово! Некому даже в жилетку поплакаться! У меня – не поверишь – даже подруги нет! Все знакомые девчонки мне дико завидовали и делали пакости рано или поздно, потому что мужики, независимо от возраста и положения, стелются, как шлак угольный, у меня под ногами! Даже смешно становится! Даже женатики при своих жёнах – этих жирных коровах, смотрят на меня как голодные псы на кусок вырезки! А уж когда меня Максимка взял на работу, здешние лахудры готовы меня с говном сожрать!

– А чего ты хочешь? Конечно, у такой супервосхитительно-красивой девушки по определению не может быть подруг! Как у олимпийской богини красоты Афродиты Афинской!

Скажу тебе больше, Светланочка! Я ещё не видел девушки красивее, чем ты! Все бабы, – даже каких показывают по телевизору в передаче «Очевидное-невероятное», за которыми охотятся в горах Гималаях папарацци... то есть в стайле и фэшене, – мусор у тебя под ногами! Чего уж говорить про какую-то бухгалтерию, на каком-то дерьмовом, того и гляди готовом вылететь в трубу кирпичном заводе! И как ты только влезла в эту кирпич-помойку на отшибе цивилизации, в голове у меня не укладывается! Такая супервосхитительная, суперсногшибательно-обалденно-красивая девушка! Я чихать не хотел! То есть, извини, мне это до сих пор непонятно!

– А что, есть такая Афродита!

– Без понтов, без всяких примесей!

– А мы этого в школе не проходили!

– Не важно! Ты слушай, что я тебе дальше скажу! Мало того, что ты сногшибательно красивая девушка, ты ещё и умница! И у тебя такая красивая попка! Но ты, конечно, лоханулась, связавшись с легаром-дидроером!

– Рома, у меня не было выбора! Ты не знаешь, какие там порядки царят, на этих конкурсах красоты! Ты думаешь, этих девочек за красивые глазки туда берут! Надо отрабатывать... одному мерзавцу сделаешь минет, другой нехороший джентльмен рвёт – тащит в койку... Максимка, конечно, не Ален Делон, но он меня выдернул оттуда, потому что на меня были более мерзкие претенденты... Извини за такие откровения!

– Какие, например? Если, конечно, это не секрет!

– Паша Гнутый... если тебе так интересно!

– Это наш местный криминальный авторитет? Которого в прошлом месяце грохнули? Да-а-а... Что-то, девушка, тебе с партнёрами не везёт! Одного замочили, другой кинулся от инфаркта... Может, ты – роковая женщина! С тобой в таком случае реально опасно связываться!

– А ты не связывайся, если боишься!

– Да я не боюсь, у меня такое первый раз в жизни! К тому же, видишь, как получается, не всё, что впрыскивается, идёт в реальную кайфуху, как сказал один философ восемнадцатого века, когда по ошибке вместо герыча впрыснул себе в вену афродизиак Шредера; башню у него снесло наглухо, а потом снесло башню у его жены, когда он её трахал девять часов без перерыва, она после этого хвалилась знакомым дамам, что самая счастливая женщина в истории Древнего Мира. Но если нам угрожает такая «бьяка-ковыряка», то надо валить отсюда без промедления, и ноу проблем, как кричала толпа в столице Гондураса, когда повесили вниз головой диктатора Освальда Сиворылого на городской площади и его сторонников расстреляли, а дворец взорвали, как символ ненавистной власти. Неизвестна участь его жены и трёх дочерей: то ли пустили в расход, то ли отправили на медные рудники; там ещё арка запоминающаяся, какходишь на территорию этих рудников, по телевизору показывали...

– Какая ещё арка, Рома? – секретарша нахмурила брови и посмотрела на парня в недоумении. – Мы в таком положении находимся, того и гляди на хвосте повиснут реальные бич-блужеры, упакованные, как черепашки-ниндзя, валить отсюда надо, пока не поздно!

– Тогда валим!

Мы по быстрому собрали всё, что нужно, наспех приведя себя в порядок, стараясь не производить лишнего шума, выскользнули в коридор и, прислушиваясь к шорохам за дверьми кабинетов, направились к лестнице.

Стояла обманчивая тишина. И я ждал, что она взорвётся каскадами голосов; их слабые всполохи доносились с первого этажа.

Только мы дошли до какого-то кабинета без таблички, удачно миновав кабинет главного бухгалтера, которую я не заметил в толпе дам, когда они пробежали мимо нас, находящегося первым, если подниматься с лестничной площадки, как внизу послышался нарастающий гал-

дѣж и тяжѣлый топот каблуков дамской обуви по ступенькам, в который удачно вплетался цокот обуви из той же серии, только более лёгкой по содержанию и изящней по форме. Это торопилась бригада любительниц протоплазмы, чтобы сожрать нас, ну прямо горгульи в цивилизованном варианте.

– Не успели! – с досады девица прикусила губу и крепко стиснула мою ладонь своей влажной от волнения рукой.

– Гадом буду, сейчас положу этих вумен-монстров на месте! – Я посмотрел секретарше в глаза решительным взглядом и вытащил из-за пазухи «узиак». Передёрнул затвор. Внутри смертоносной железяки угрожающе лязгнуло.

– Подожди, Рома! – Секретарша торкнулась в дверь безликого кабинета, нажав на ручку.

Дверь открылась. Бросив мне, как вызов в лицо, торжествующий взгляд – я тоже девчонка – не последняя лохушка на ренухе, она увлекла меня за собой внутрь помещения.

Комната, где мы оказались, мало имела общего с рабочим кабинетом предприятия, несмотря на то, что в дальнем от входа углу стоял письменный стол; над ним висел портрет Ленина под пыльным, загаженным мухами стеклом, в облупившейся позолоченной рамке. Пыль на стекле была такой густой, что я Ленина узнал только по бороде и лысине и с горечью подумал, что ж ты, козёл этакий, наделал со своей треклятой революцией, столько народу положил не за газгольдер Мопассана, тебя надо было в клетке, как Квазимодо, провезти по главной площади государства российского; при ином раскладе я бы с удовольствием надел этот портрет на голову директору или начальнику цеха, но в данной ситуации удовольствовался только мыслью об этом. Рядом со столом стоял шкаф, где на полках пылились папки с заводской бумажной мусоркой. Рядом со шкафом была ещё одна дверь, ведущая, как я понял, в кабинет главного бухгалтера. Из-за неё доносился подозрительный шорох.

Секретарша прижала к губам указательный палец – «тс-с-с», – когда поймала мой взгляд на этой двери, и на цыпочках, не произведя ни одного цок-цок-звука, я был удивлён, потому что в коридоре она, хоть и тихо, но цокала при ходьбе, подкралась к ней, таща меня за собой и за своей нагло-совершенной фигурой в свете Потомакских огней, как неодушевлённый предмет. Присела на корточки, не выпуская мою руку из своей, и посмотрела в замочную скважину.

Я замер рядом, переживая приятные моменты, держа в ладони нежные пальчики девушки и чувствуя себя почти счастливым парнем, не забывая другой рукой, согнутой в локте, прижимать к груди «ствол» вверх стволом, выточенный, вполне вероятно, на заводе имени Токарева, прислушиваясь к шуму в коридоре и испытывая при этом необычайный эмоциональный подъём, когда поднявшиеся по лестнице работницы высшего звена предприятия проследовали мимо двери, за которой мы притаились, к директорскому кабинету. Я всё ждал и втайне надеялся, что кто-нибудь из административной своры откроет дверь, и я тогда покажу себя – понтанусь по-взрослому перед красивой девчонкой, в которую без сомнения влюбился без ума, несмотря на то, что ещё не более часа назад она подставляла киску отвратному субъекту, сдёрну с плеча файер-ган³⁸ и открою огонь на поражение управленческого слоя паразитов предприятия.

– Ах, сука! – дрожащим от ярости голосом прошептала секретарша и, повернув ко мне охваченное ненавистью лицо, ставшее от этой эмоции ещё красивее, произнесла: – Рома! Дай мне свою убийственную машинку! Эта кобыла нас программирует!

Я не стал задавать лишних вопросов, когда на лице любимой девушки сверкала такая восхитительная страсть пусть и отрицательного свойства. Передал ей убийный – и не только для крупного рогатого скота – механизм, когда секретарша поднялась с колен.

Она осторожно приоткрыла дверь, взяла пистолет-пулемёт двумя руками, как учили в школе, на уроке военно-стратегической подготовки, вытянула их в проём на уровне плеч и

³⁸ файер-ган – пистолет-пулемет

старательно прицелилась. Глянув в зазор между её головой и косяком, – кого это она собралась зафоршмачить, я увидел главного бухгалтера – рослую даму с лошадиным лицом, имеющую в запасе руки метательницы молота, неприлично выглядывающие из рукавов безвкусно сшитого жакета, стоящую к нам вполоборота с трубкой сотового у уха. Видимо, она говорила что-то серьёзное, что даже не заметила, что за ней наблюдают.

Я прижался к спине девушки, подложил свои руки под её, чтобы девице легче было держать говорящую на языке смерти стальную «дуру».

– Рома, я правильно делаю! – обжёг мне щёку её горячий шёпот, когда она повернула ко мне лицо.

Невинная близость девушки, доверчиво, почти по детски прильнувшей ко мне в такой серьёзный момент, совсем сбила меня с панталыку; она сейчас совсем не была похожа на современную Золушку, раздвигающую ноги для всяких нечистых на руку жлобов за жалкие подачки, и уж тем более её вид в этот момент совсем не вязался с тем, что она собиралась сделать.

– Всё так, Светик, – прошептал я, находясь приблизительно в таком же состоянии, в каком был антигерой Фёдора Михайловича, занёсший топор над пенсионеркой, – теперь успокойся, прицелься, удержи дыхание и плавно жми на курок. (Я сам на себя удивился какой дал ей ценный совет, словно инструктор, подготавливающий красоток для работы наёмными убийцами.)

И секретарша нажала. Так, что раздалась короткая очередь. Звякнули стёкла (вероятно, часть заряда ушла в окно), и вслед за этим что-то тяжёлое, напоминающее мешок с картофелем, упало на пол. За затылком девицы я не видел, что, но по раздавшимся вслед за падением хрипам и стонам, понял, что секретарша попала в цель.

– Есть! – взвизгнула девица и, повернув ко мне голову, засмеялась. – Рома, ты видел!? Я завалила эту лошадь! – Глаза у секретарши нехорошо сверкали. В этот миг мне показалось – «не замкнула ли, и в самом деле, у неё фаза в голове», после того как директор дал дуба на ней. Я бы не удивился, если это и в самом деле произошло. Но девушка, оборвав смех, может, догадываясь, что я могу подумать (иногда женщины проявляют удивительные способности читать мысли мужчин), лукаво посмотрела на меня и добавила: – А ведь я, когда нажала на курок, как ты сказал, зажмурилась от страха! Вот уж не думала, что я в неё попаду! Само провидение направило дуло в цель!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.